

Дарья Жилотина

КРУГОВАЯ ПОРУКА

Дарья Милл

Круговая порука

<https://litres.ru/74122567>

SelfPub; 2026

Аннотация

Домом называют место, находящееся внутри стен. Всё, что снаружи - чужое и мёртвое. Никто не уверен, остался ли за пределами Дома кто-то живой. Нельзя выходить за пределы стен.

У каждого Дома есть свой хозяин. Игоревич руководит Собранием, и остальные верят, что поступают правильно, придерживаясь правил. Дом работает как организм, где каждый занимает своё место. Нельзя переставлять шестерёнки.

В новом году Мира проснулась с посланием. Кто мог оставить ей просьбу о помощи, если Дом - безопасное место? В Доме нельзя сомневаться.

Сорок жителей Дома уверены, что в этом году ничего не изменится, но после ночи кто-то из них навсегда изменился. Мира уверена, что она не из тех, кто идёт против правил, но теперь в её голове есть истории, которых никогда не случалось. При виде Игоревича в её голове заводится таймер. Он отсчитывает минуты до катастрофы.

Здесь нельзя бороться, потому что в Доме нет врагов. Но что, если ради правды приходится идти против близких?

Содержание

Глава 23	6
Глава 1	38
Протокол встречи Собрания от пятого января	55
Глава 2	56
Протокол встречи Собрания от пятнадцатого января	80
Глава 3	81
Глава 23	112
Глава 4	117
Протокол встречи Собрания от первого февраля	138
Глава 5	139
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Дарья Милл

Круговая порука

Правила, заложенные в основание Дома:

Не называть другого именем, данным его при рождении, если не хочешь оскорбить его или выразить особое признание.

Не нарушать должностные инструкции и не мешать остальным соблюдать свои.

Не заниматься иной работой, кроме собственной, дабы не отнимать чужой хлеб.

Не завышать цены перед праздниками, чтобы каждый смог позволить себе порадовать коллег.

Не пользоваться техникой, не относящейся к вашей профессии, дабы по ошибке не повредить её.

Не выходить за внешние стены во избежание травм, потери ориентации и смерти.

(Притиска карандашом: и почему здесь одни запреты?)

При переезде в другое жилое помещение необходимо заранее оповестить об этом Собрание, чтобы оно смогло заблаговременно отключила воду, газ и отопление в старой квартире, а также подготовить для вас новую.

За пренебрежение порядком полагается наказание в виде общественно полезных работ и других мер пресечения, устанавливаемых Собранием.

Собрание предоставляет жильцам Дома протокол каждого своего собрания для того, чтобы справедливость его решений не вызывала сомнений.

Выходные и праздничные дни установлены в соответствии с календарным планом.

Глава 23

Возможно, начинать зимний день с кружки ледяной воды было не лучшей идеей, но иначе мне не проснуться. Батареи едва грели, но их тепла хватало на то, чтобы под утро я через силу смогла стянуть с себя одеяло и причесать волосы. Очевидно, Дима решил поиграть на моих нервах и стал валять дурака на работе. Если бы так продолжилось и дальше, мне пришлось бы донести на него Собранию, чтобы ему влетело по первое число (шутка). Среди нас было целых три медика, но болеть нам всё равно не стоило. А случись что с ними, и мы протянем с неделю, потому что в лечении я никогда не смыслила.

Тогда мне пришлось хорошенько поработать над лицом, чтобы привести его в порядок. Чем ближе Новый год, тем тяжелее вставать на работу. Но дети ждали, их родители тоже, поэтому я заправила волосы на уши, отёрла со щёк следы от подушки и уложила брови мылом. Косметики у нас никогда не бывало, и мы обходились тем, что имели. Может быть, оно и к лучшему, иначе кто-то из наших стал бы спускать все заработанные деньги на какую-нибудь ерунду. А, хотя, на что их ещё тратить, если едой и жильём нас обеспечивают за просто так? Не знаю, как после такого некоторые особо одарённые набирались храбрости критиковать наши устои.

Дима выгуливал собак и светил себе под ноги фонариком,

но его свет всё равно попадал в чужие окна. Он пробивался сквозь занавески и поднимал меня на ноги лучше, чем звонок будильника. Правда, в тот день я встала раньше него. Либо внутренние часы Димы дали сбой, либо я снова заболела бессонницей из-за потрёпанных на работе нервов.

Натянув старые сапоги, я вышла в подъезд и заперла дверь. Ещё немного, последние узлы на подошве порвались бы, и обувь стала вбирать в себя снег. Весь тот год я откладывала на новые ботинки, и уже тем вечером могла купить новые у Рири. Я знаю, что она не заламывала цену — это запрещено. Ну и она моя лучшая подруга, если это ещё как-то способно влиять на наш рынок.

Ледяной воздух обдавал со всех сторон. Может быть, стоило накинуть сверху ещё одно пальто, но его не было, а то, которое я донашивала за его предыдущим хозяином, уже не спасало. Конечно, я работала, как и все наши, платили мне достойно, но едва ли у меня были силы выйти из класса и пойти выбирать одежду. А я очень любила свою работу. Очень-очень. От чего-то при этой мысли у меня всегда дёргался глаз.

— Эй, Димчик! — позвала я, заметив, что Дима слишком увлёкся собаками.

Они были даже не его, он выгуливал их за лишнюю порцию тефтелей за обедом. Сегодня их и так должны были выдать, но Дима планировал поделиться своими со мной. Как и всегда. В общем-то, из нас двоих только ему было нечем

заняться настолько, что он заботился о чужих тефтелях. И не скажу, что мне было на это не всё равно.

— На что смотришь? — спросила я, встав у него за спиной. Его широкие плечи не давали мне разглядеть, что его так увлекло, и зачем-то я любопытствовала. И не скажу, что мне было не всё равно на его плечи. — Снова во что-то вляпался?

Дима не отвечал, и я решила взять всё в свои руки. Глубоко вдохнув, я поймала его под локоть, едва не распугав собак. Они недолго подумали перед тем, как начать прыгать вокруг моих ног. Я поджала губы, боясь, как бы они не раскурочили и так избитые жизнью сапоги. Как можно более бодро я произнесла:

— Ты решил начать празднование с молчания? Спасибо за подарок.

Тепло его куртки было приятным, но ещё горячее было его дыхание, едва касающееся моей щеки. И не скажу, что мне было не всё равно на его дыхание. Кажется, в то время я слишком часто это повторяла. Даже сама не знаю, что это значит. Разве что только то, что для уверенности мне нужно было твердить себе, что Дима меня несколько не привлекает. Так и есть. На тот момент мы знакомы уже несколько лет, и все эти годы я снова и снова крутила у себя в голове одну мысль. *Всё равно*. В самом деле, что мне с того, что он, кажется, совершенно необходим мне по утрам, иначе у меня не получится проснуться? Да и отросшие светлые волосы, вы-

глядывающие из-под его шапки, были самой милой вещью на свете, да простит мне эти слова крошка Валенка. А ещё румянец, выступающий на его высоком носу, когда он долго стоял на морозе.

Мы помолчали ещё какое-то время прежде, чем Дима подал первые признаки жизни. Громко выдохнув, он вдруг развернулся ко мне и повалил в снег. Я мягко приземлилась в сугроб и наглоталась воздуха с примесью снежинок. Было приятно, радом с Димой пахло тёплыми батареями. Сама не знаю, как такое возможно. Может быть, я совсем потеряла голову.

Поташив Диму за собой, я натянула шапку ему на глаза и шлёпнула его по колену. Пытаясь подняться, я несколько раз упала обратно, но в конце концов смогла утвердиться на ногах. А они почти не слушались. Какие глупости. Вообще-то мне всё равно.

Я уже выпрямилась и отряхнулась от снега, а он всё так же лежал, украдкой подглядывая за мной из-под шапки. Когда Дима улыбался, я видела его зубы. А при смехе у него были заметны десна. Да с чего это я вообще его так разглядывала?

— Как там в котельных? — попыталась отвлечься я.

— Почему интересуешься? — усмехнулся Дима, развалившись в сугробе. — Хочешь помочь?

— Холодно.

— А почему ты так легко одета?

— Хватит вопросов.

— Каких именно?

Собрав крепкий снежок, я кинула его ему в грудь. Нужно было собраться, перестать быть такой глупой и всерьёз допросить одного из двух котельщиков о том, почему отопление так упорно сбоит. Прапорщик не признается — он начальник и большой мудозвон, а вот от Димы можно было чего-то добиться.

— Сегодня встреча Собрания, и я...

— Доложишь на меня? — продолжил допрос он. Я не выдержала и пнула его в подошву ботинок, из-за чего мои усталые заскрипели.

— В чём проблема? Сегодня ты странный.

— Не странно, а вполне себе обычно. Кажется, я только сейчас стал понимать, кто я такой на самом деле. Это, если что, не так уж просто. Особенно учитывая то, что будет вечером.

— Ну и кто ты такой, Дима «Дымчик», на отвали работающий в котельной?

— О, хорошо, что ты спросила. Это правильный вопрос. — Подложив руки под голову, он удобнее примостился в сугробе. — Не знаю, под чем был тот, кто дал мне эту работу. В котельной я лишний. Мог бы заняться чем-то другим. Например, работать с тобой учителем, помогать с теми засранцами, что ковыряют тебе мозги. Они ведь скоро изъедят в тебе дырки, как сыре.

— В нашем сыре нет дырок. — Я закатила глаза, пытаюсь

перевести тему. Мне никогда не нравилось осуждать наши порядки. Это глупо. Если они помогали нам ладить, мешать им не стоило.

— Я помню, что раньше в сыре были дырки. Сейчас немного изменилось.

— Вообще-то только теперь мы можем по-настоящему прожить свои жизни. Ты знаешь, как жили наши родители? Сколько в то время было обездоленных и несчастных? Сейчас каждый при деле, всем есть чем заняться. Это большой прорыв.

— Ага, вот только тогда было всё то же самое, просто мы об этом не в курсе. Ты же читаешь кучу книжек на работе, в учебниках точно описано, что все стояли на своих местах точно так же, как и мы.

— У нас нет учебников по истории.

— Ну всё, я больше не хочу с тобой разговаривать. — Надулся Дима, поняв, что других аргументов у него нет.

Он знал, что я права, но что-то не давало ему это признать. Или это я не могла взглянуть на проблему под другим углом. Скорее всего, мы оба дураки.

Дима так и лежал в снегу, совсем забыв о том, что ему нужно приглядывать за собаками, обнюхивающими облезшую детскую горку. Тогда я ещё могла поклясться, что он был отличным работником, когда не отлынивал. Порой у него получалось быть достаточно ответственным, чтобы не налажать, но ещё чаще Дима делал всё спустя рукава. У него

было всего одно дело, да и в нём он не то чтобы преуспевал.

— Боюсь сегодняшнего вечера. — Признался Дима, ударив ладонями по снегу. Тот приподнялся и аккуратно лёг на его куртку. — Давай сбежим.

Мне понадобилось время, чтобы переварить его слова, и, либо он сказал полнейшую глупость, либо у меня случилось несварение. Ну и бред. Я всегда считала Диму непонятым первооткрывателем, но и не подозревала, что он может зай-ти так далеко. Ему стоило остановиться на своём прошлом достижении, когда он подсказал девчонкам со двора, что в затухающий костёр можно закинуть картошку в фольге. Я всегда догадывалась, откуда они достали картошку — её им дал кто-то с фермы. А вот с костром сложнее. Нам нельзя было разводить огонь, это не по правилам. Какой-то мятежник научил девочек запрещённому приёму.

— Ты прекрасно понимаешь, почему мы не можем этого сделать. — Ответила я, когда молчание стало надоедать. Тогда развивать эту тему совсем не хотелось. Теперь я жалею, что не согласилась.

— Да. — Легко согласился Дима. — Потому что ты слишком веришь в своё Собрание.

— Мы умрём, если уйдём слишком далеко. Вот в чём вся соль.

— А ещё мы можем попробовать выжить вдвоём. Вот в чём весь сахар. — Он не выдержал и улыбнулся. Уж не знаю, от шутки ли или от мысли, что у нас получится справиться

с миром только вдвоём.

Зачем-то я покраснела и стала тереть щёки, чтобы прикрыть свой позор. Мне нельзя было влюбляться, это просто нелепо. Но, кажется, я уже это сделала.

— Ни за что. У нас ничего не получится, мы совершенно ничего не умеем.

— Вот именно, ведь каждый из нас занимается только своей работой. — Дима закатил глаза, словно бы делая мне одолжение своим объяснением. — Нам даже нельзя менять профессию, это же хреново. И в чём вообще суть твоей работы, если ты не учишь детей, а рассказываешь им только то, что пригодится в будущем, в котором они обязательно останутся с нами? А почему бы им не уйти?

— Что-то ты слишком взбунтовался. Тебе же здесь нравится. — Я попыталась остановить его, но он слишком увлёкся.

— Конечно, но не тогда, когда меня ограничивают. — Ненадолго задумавшись, Дима поднял на меня взгляд. Моё тело почувствовало, что он видит меня всю. Я начала улыбаться. — Знаешь, а ведь мы действительно можем решить всё сообща.

— Вот именно. Сообща.

— Для «сообща» достаточно и двоих. Ты учительница и много чего знаешь...

— Так вот в чём дело. — Едва не подавившись своими словами, я отвернулась и прикусила губу. Улыбки уже не бы-

ло. Ну конечно, с чего бы вдруг Диме строить со мной совместное будущее, если я для него *никакая*. — Ты предлагаешь мне побег только потому, что я смогу тебе помочь. Умный ход.

— О боже, это действительно так прозвучало. — Ударив себя по лбу, Дима наконец-то поднялся. Его рука легла мне на плечо. Приятный вес: ни больше, ни меньше положенного. С ума сойти, да я тогда втрескалась по уши. — Я имел ввиду совсем не это. Просто понимаю, что без тебя ни за что не справлюсь. Вернее, я не смогу никуда от тебя деться.

Может быть, он делал это не нарочно, но я чувствовала, как его большой палец гладит ткань моего пальто. Как бы невзначай, словно это оказалось для нас нормальным. Наверняка для Димы всё так и выглядело; а я всегда придавала таким вещам слишком большое значение. Тоже мне, всего лишь дружеский жест. Любой бы поступил так на его месте.

— Ну что, мир, Мир? — произнёс он слегка картаво.

— Бесит, когда ты так говоришь. — И, всё же, я улыбнулась.

— Сегодня будет много тефтелей. — Похлопав по моему плечу в последний раз, Дима убрал руку. — Если честно, я вообще без понятия, как их делают, но штука это классная. Кажется, они растут на деревьях, как бананы.

— Бананы растут на травянистых растениях.

— Что, серьёзно? — Дима поднял брови и приоткрыл рот. Очаровашка. — Как тогда мы их не давим, если они валяют-

ся в траве? И где, блин, все бананы, раз для них нужна только трава? Почему я вижу их только в фильмах?

— Всё не совсем так...

Не успела я закончить, как на нас вышла Помпа. Дима и не шелохнулся, а вот я отскочила от него так, словно от этого зависела моя жизнь. В некоторой степени оно так и было, но понимала это только я. Мне совсем не хотелось связываться с дочерью Игоревича, занимавшегося главенством в Собрании. Не то, чтобы я его боялась. Просто он казался мне не слишком-то приятным человеком.

Совсем не стесняясь меня, Помпа поцеловала Диму в те же губы, что совсем недавно просили меня сбежать из Дома. Говорили ли они о том же, или я стала первой, кому Дима предложил совместную жизнь? Я надеялась на последний вариант, но не потому, что была готова на него согласиться. Мягкое прикосновение Димы успело въестся мне в печёнки. Помпа видела мои красные щёки, но ничего и не сказала.

— Доброе утро, Помпа. — Поприветствовала я так дружелюбно, как только смогла.

— Доброе, Мира. — В ответ улыбнулась она, поджав свои розовые губки.

Вот уж не знаю, как ей удавалось быть такой обаятельной. Пускай я терпеть её не могла, отрицать это не было смысла. Пэмми всегда была настоящей душечкой, пускай рядом с Димой это особо и не заметно. Тогда я считала, что кто угодно по сравнению с ним проиграл бы по всем фронтам.

Они с Димой работали в соседних цехах, Пэм занималась водой. Она сама просила других так себя называть, но на деле Пэмми самая обычная Полина. Мне давно пора было смириться и с тем, что Дима ненавидел своё рабочее имя, и с их отношениями. Они встречаются, а я должна успокоиться. Всё-таки, я никогда не хотела создавать отдельную ячейку общества. Всегда хотела остаться Дома.

Я услышала, как прозвенел первый звонок. На самом деле он давно не работал, но мне было достаточно и того, как моя детская голова взрывалась из-за его шума в той же школе, в которой теперь я торчала пять дней в неделю. Каждые сорок минут в ушах кто-то кричал. Может быть, это и не совсем здоровое явление, вот только мои внутренние часы никогда меня не подводили. И иногда это играло мне на руку.

— У меня урок. — Сказала я в надежде, что мне не придётся снова обмениваться любезностями с Пэмми.

— Тебе ведь ко второму. — Уточнил Дима, но я не стала обращать на него внимания.

Пэм ещё что-то говорила мне в след, когда я неслась в заднюю часть Дома — простенькую квадратную школу, три стены которой поросли сухими кустами настолько плотно, что не оставляли надежды от них избавиться. А выход на второе крыльцо и то хуже: шестипалые сухие ветви начинали хлестать по лицу тут же, как я выходила за дверь. Поэтому тем выходом вы не пользовались; я выбегать из квартиры пораньше, чтобы прийти к Рири на рынок, обогнув задний

двор. Это место всегда меня пугало, как и школьные туалеты.

Мне приходилось останавливаться, чтобы стряхнуть снег с сапог, и только тогда я отмечала, как в округе спокойно. Все чем-то заняты: остановится один, и встанет вся машина. Мы были слаженным механизмом, родными и почти близкими друг другу деталями. Я любила это место, иногда даже слишком. Четыре пятиэтажки и заброшенное здание шестнадцати этажей, школа с парой действующих классов и столовой, небольшой магазин и рынок с тремя занятыми мастерами лавочками. Одна из таких — моя Рири.

Дом, спокойное утро, мысли о новых ботинках от Рири и прикосновении Димы. Не такое уж и плохое начало празднования Нового года. Оно было бы совсем чудесным, не окажись во дворе Пэм. Тогда я терпеть её не могла, но понимала, что она всегда оставалась частью чего-то большего.

Я закрылась в кабинете и забралась на стул с ногами. Носки промокли, но я сменила их на запасные, они давно подпирали старенькую батарею. И здесь она почти не грела. Несколько раз ударив по трубе в надежде, что это поможет, я потёрла ушибленную пятку. Если честно, я никогда не была вполне уверена, как работают батареи, но с телевизором такой приём срабатывает. Здесь, наверное, похожий принцип. Просто иногда внутри что-то переключивает.

Растянутая по потолку лампа редко мигала, пытаясь привлечь моё внимание. Обычно я делала вид, словно меня это не волнует, но на самом деле мне хотелось сорвать её вместе

с полопавшимися панелями. Я могла подлатать лампу сама, но мне не стоило делать вид, будто в работе с техникой я понимаю больше Движняка. Во-первых, он бы обиделся. Во-вторых, заниматься не своим делом в корне неверно. Если один будет уметь всё, то начерта нужны все остальные?

Мы семья, это от слова система — одни занимаются водой, другие отоплением, третьи пропитанием, добычей, сбытом, заботой о больных, строительством и грузоперевозками, электричеством и починкой. А, ну и здесь всегда была я. На мне висела ответственность за наше будущее; за то, чтобы дети не сбились с верного пути.

До прихода учеников оставалось ещё десять минут, но я уже напряглась. Последний год я упорно отводила их от интереса к тому, что неправильно. Было просто, вот только иногда я и сама не могла удержаться от ответа. А лучшие вопросы всегда задавали самые маленькие.

— Здравствуйте, Мира Руслановна. — Сказал Кирка с громким зевком. — С Новым годом!

— Спасибо, но ты рановато. — Ответила я, сев поровнее. Мне пришлось вернуть ноги в сырые ботинки. Не очень-то приятно, но делать было нечего. — Дождись вечера, там и поздравляй.

— Не зря Валенка говорит, что вы зануда. — Вздохнув, Кирка поставил передо мной пластиковый стаканчик, старательно замазанный красным маркером.

— Навряд ли она могла такое сказать. Валенка и слов то

таких не знает.

Где-то в голове я прикинула, может ли годовалая Валенка, уже готовящаяся к работе на ферме, считать меня занудой. Точно нет. Ну, я надеялась.

— Подарок посмотрите. — Пробубнил Кирка, проходя к своему месту. — Я старался.

— Ты отвлѣк меня мыслями о Валенке. — Ответила я на его обиду, но он и головы не поднял.

Перед Киркой мне было тяжелее всего держать лицо учительницы. С ним у нас всегда складывались особые отношения, и начались они с того, что первого сентября он чересчур уж слабо пожал мне руку.

Что-то тихо брякнуло, когда я наудачу тряхнула стаканчик. Сверху Кирка залепил его скотчем, и я уже решила, что он наплевал в него скорлупок от семечек, когда заметила тоненькую цепочку, выглядывающую из-под пластика. Потянув, я достала небольшой блокнот, прицепленный к ней на два серебристых кольца. Амулет или вроде того. Может быть, что-то очень важное в глазах девятилетнего Кирки, но для меня точно ничего не значащее. А приятно мне всё-таки было.

— Спасибо. — Улыбнулась я, но Кирка так и не поднял на меня глаз. Кажется, в то время я слишком им пренебрегала. Всё-таки, он всегда был моей заботой. — Ты сам его сделал?

— Да, — начал бормотать Кирка. — Я поздравил вас, а вы ничего не сказали в ответ. Мира Руслановна, если вы так ме-

ня ненавидите, то лучше вообще со мной не разговаривайте.

— У тебя всё в порядке? — спросила я осторожно.

— Какая вам разница? Вам же всё равно на меня.

— Ты же сказал, что я тебя ненавижу.

— Значит, всё-таки ненавидите. — Насупился он лишь больше, но от чего-то наконец на меня посмотрел. — А вы прочитайте, что написано на первой странице.

Не успела я открыть блокнот, как в класс подтянулись остальные ученики. Один за другим, все четверо человек — те, кому в работе будет нужна математика больше, чем остальным. Они здоровались со мной, но я их не слышала и всё вчитывалась в одну короткую, старательно выведенную строчку. И без единой ошибки.

«Он снова это сделал. Пожалуйста, заберите меня отсюда»

Вот причина, по которой я не ругалась с Пэм, хотя мне давно хотелось оборвать с ней все связи. Её отец — единственный человек в Доме, под чьим влиянием находились все мы, хотя его работа и состояла в простом обеспечении нас водой. Может быть, это не так уж и важно; по крайней мере, зимой мы бы уж точно смогли обойтись простым растопленным снегом. Власти у него всегда было не по статусу, но с этим ничего не сделать. Так уж сложилось.

Я давно думала об этом, и наконец решилась. На том Собрании я просила Игоревича отдать мне Кирку. Мне нужно было постараться: притвориться презентабельной и скрыть, как я ненавидела Игоревича. Тогда я считала, что он винов-

ник всех моих бед. И зря.

Ученики давно расселись за парты. Ничего нового, все на своих обычных местах, и только Кирка один, но не потому, что остальные избегают с ним общаться. Ему самому никогда не хотелось внимания.

Четыре пары больших детских глаз уставились на меня с непониманием. Каждый раз приходя на работу я обещала себе ни к кому не привязываться. Всем было непросто, и мне тоже. В каждой семье своё горе, никто не живёт идеальной жизнью. Спроси у любого нашего ребёнка о том, чем ему не нравятся родители, и он не успокоится. Я твердила себе: «Нельзя. Не привязывайся». От повторения ничего не менялось, я не начинала верить себе больше. Кирка всё поглядывал на меня, пытаясь скрыть разочарование. О, я просто стерва, раз дала ему надежду. Вернее, я последняя дрянь, потому что подвела его к тому, чтобы он ко мне прикипел.

Нет, я ни к кому не привязывалась, просто с тех пор на моей шее висел блокнот с просьбой, которую я обязана была исполнить. Цепочка легко ложилась на шею. Наверняка она ничего не весит, но я чувствую, как согнулась моя спина. Ну нет, я точно не брала на себя лишних забот.

В тот день дети ныли больше обычного, и один лишь Кирка не поднимал головы, всё корпя над письмом в тетради. Остальные без конца пялились на блокнот на моей груди, но я делала вид, будто не замечаю их насмешки. И у меня это

отлично получалось, пока я не услышала шепотки на последнем уроке:

— Мира совсем того, скоро вся тетрадами обложится.

— Ага, точно. Блокнот то я вижу, а красную ручку она куда засунула?

И тихий смех, пока я стирала с доски прошлую тему. Словно нарочно медленно ползли последние двадцать минут рабочего дня, и я едва держалась, чтобы не убежать к Рири раньше времени. За моей спиной сидела группа ребят постарше, через год им нужно было выходить в большой мир, а они так и не научились болтать на уроках так, чтобы я этого не замечала. Другие давно прекрасно справлялись с тем, чтобы перемывать мои кости незаметно, но у старших с этим были явные проблемы, и я догадывалась почему.

Им было шестнадцать, мне двадцать четыре. Семь лет разницы казались им незначительными, тем более что некоторые из них уже тогда переросли меня на полголовы. Бирка и Колен вечно болтали невпопад, особенно рядом со мной. Потому что с такими, как я, не принято считаться, и эти двое скорее плюнут мне в чай, чем пожмут мою руку.

— А я догадываюсь, где сейчас ручка. — Посмеялся Колен. — Она в...

— Я рада, что вас несколько не смущает моё присутствие, но вам лучше закончить с материаловедением прежде, чем обсуждать меня.

— О, извините. — Колен кивнул, близко склонившись к

столу. — Не знал, что вы нас подслушиваете.

— Заткнись, пока не поздно, кретин. — Сказала ему Цежа так грубо, что мне захотелось сделать ей замечание. — Перед тобой учитель, взрослый человек. Если у тебя в мозгах это не укладывается, то выйди на улицу и засунь свою тупую голову в снег. Может, это поможет тебе смириться с тем, что ты бесполезен для общества.

— И что, вы её даже не наругаете? — начал возмущаться Колен. — Она, вообще-то, назвала меня кретином!

— А, ты что-то сказал? — я притворилась рассеянной, чтобы поскорее от него отделаться. — Извини, я не подслушиваю разговоры учеников.

Он пробурчал что-то о том, какая его учительница конченная дура, но я не обратила на это внимания, потому что уже пожалела о своём поступке. Я ответила ему совершенно не педагогически. Стоило успокоить и Цежу, и Колена, но я пустила ситуацию на самотёк, потому что сил у меня уже не было. Я едва смогла дождаться конца урока.

Все сбежали тут же, как поняли, что это возможно. Колен пытался сигануть из окна, но Бирка его остановил. Кажется, он начал стыдиться своих слов, и больше не думал о том, как меня задеть. В кои-то веки.

Когда все вышли, я выключила свет, заперла дверь и побежала к Рири. Кто-то пытался меня окликнуть, но я больше не хотела разбираться с учениками. Я не стала оборачиваться, но отчётливо различила голоса Цежи и Колена. Ещё тогда

им пора было привыкнуть к тому, что после звонка они перестают для меня существовать. Видимо, я слишком многого требовала, раз уж даже в свободное время им приспичило за мной увязаться.

Я неслась на рынок так быстро, как только могла, но ботинки почти развалились, а ноги промёрзли так, что пальцы уже и не чувствовались. Сейчас думаю, что тогда я совсем сдурела, раз решила отложить эту покупку до конца года. Глупый поступок, и я за эту ошибку я рисковала лишиться ступней. Щебень скользил под отваливающейся подошвой. В последний раз запнувшись, я влетела за прилавок Рири и врезалась в Эдика. Он поймал меня в сантиметре от пола и тут же усадил на мешок со старой кожей.

Ему пришлось подождать, когда я отдышусь. Да и мне тоже, потому что к нему у меня было слишком много вопросов.

— Где Рири? — начала я с главного.

— Снова со Светой. — Проговорил он с лёгкой иронией, словно ему всё безразлично. Ну конечно, так я и поверила. Тогда Эдику особо не нравилось, что Рири не обращала на него внимания.

— А я давно говорила ей на тебя забить.

— Ну спасибо, подруга, очень помогла. — Эд насупился и посмотрел на меня с таким отвращением, что мне самой стало за себя стыдно.

Я уже было решила, будто наступила в кучу собачьих сюрпризов, оставшуюся после утренней прогулки Димы, но за-

метила, что сапоги чисты. Тогда я стала приноживаться. От меня не пахло потом и слезами, хотя я отвела целый день уроков, а Эдик продолжал ворочать нос. Крупный, широкий в плечах и с чересчур уж прямой спиной он выглядел гордо. В глубине души я бесилась до потери пульса.

Сев поудобнее, я поправила пальто и стала высматривать Рири. Эд повторил за мной и примостился на соседнем мешке с отпоротыми от сапог подошвами. Ему наверняка было не так удобно, как мне, но он не жаловался и лишь смотрел вдаль. Уже через мгновение его молчание стало меня раздражать. Я громко вздохнула, случайно обронив:

— Ну ты и debil.

— Светка полная дура. — Сболтнул Эдик вместе со мной, не услышав моих слов. — Подожди, что ты сказала?

— Да, она та ещё дура. — Поспешила согласиться я. Всё ещё не знаю зачем. — Она, кажется, совсем не работает. Я вот всё жду, когда Движняк скажет Игоревичу, чтобы её убрали с должности.

— Ничего он ей не сделает. — Бодро сказал Эд. Ему точно понравилось, что я хоть в чём-то с ним согласилась. — Я слышал, что Света главнее Движняка. Думаешь, он рискнёт жаловаться на свою начальницу, если она всего лишь делегирует на него задачи? Хотя, знаешь, я ни за что не поверю, что эта простокваша может быть старше по званию самого Движняка.

— Вот и я о чём. Наверняка она этот слух и пустила. —

Я снова от него отвернулась. Ни один наш разговор не мог обойтись без упоминания этой истории. — А ты взял и попался. Опять.

— Может, хватит уже? Ты напоминаешь мне об этом так часто, что я устал извиняться.

— Правда, что ли? — я почти засмеялась. Хотя, скорее, захрипела и пару раз кашлянула. — Бедненький, ну давай извинюсь я. Ты уж прости, что я не доверяю информации из непроверенных источников.

— Откуда мне было знать, что ты на самом деле не спишь с ним? — начал крутить свою заезженную пластинку Эдик. На ней было столько царапин, что уже и не сосчитать. А он всё повторял: — И в чём моя вина? Слух пустил не я! Все уже о нём говорили, когда я рассказал всё Дымчику.

— Ты такой наивный, что на тебя жалко смотреть. — Не выдержав, я встала и вышла из лавки. Я решала: лучше мои лёгкие свернутся калачиком от холода, чем я ещё хоть минуту проведу наедине с Эдом.

— А ты очень уж предана Собранию, раз уж все так просто смирились с тем, что ты любовница Игоревича. — Этот придурок увязался за мной. Куртка совсем не прикрывала его задницу, и я искренне понадеялась, что он её отморозит.

— Может быть, ты не говорил бы об этом так просто, если бы знал... — я прикусила язык.

Больно, выступила кровь. Нос жгли проглоченные слёзы. Сукин сын. Я и так знала, что все поверили, будто я залез-

ла в постель Игоревича ради места в Собрании. Никого не волнует то, сколько сил я угробила на то, чтобы продержаться там столько времени. Да, это было непросто, и что с того? Зато с тех пор ко мне прислушиваются. Я смогла внести вклад в будущее; в то, каким станет наше общество. Что-то да я решаю. В отличии от Эда.

Как и всегда, Рири увидела меня издалека. Она бежала от лавки Светы с двумя кулками. Один был запакован ещё давно, другой замотали наспех. Видимо, Рири долго уламывала Свету, чтобы она соорудила ей что-то, что совсем скоро окажется у меня. Уж я-то знаю, что Рири приготовила это для меня. Эд мог не рассчитывать даже на её улыбку.

— Я знаю, что поступил как скотина, и Рири стала нравиться мне только больше после того, как отказалась общаться со мной ради тебя. — Выпалил Эдик, сунув мне в руки пару контейнеров. Он уже собрался уходить, когда напоследок бросил: — Можешь выкинуть, можешь оставить, мне без разницы, только лучше скорми собакам, чтобы не пропало зря.

— Ясно. — Согласилась я, но Эд уже круто развернулся на пятках и потопал прочь. — А теперь проваливай. Сукин сын. — Прошептала я больше для самой себя.

— Тысяча чертей, да ты вся горишь! — Рири подскочила ко мне и прикрыла глаза, стараясь не смотреть в его сторону. — От тебя даже снег плавится! Скоро устроишь всемирный потоп.

— Ты хотела сказать потоп. — Посмеялась я, притянув её поближе к себе. Когда рядом был Эд, она нервничала.

— Может быть, не знаю, совсем забыла, что хотела сказать. — Протараторила Рири, прижимаясь ко мне, словно нас вот-вот унесёт волной. — Только что я совершила самую выгодную сделку в своей жизни. Света морозила меня полтора месяца и в итоге сломалась только сейчас, когда поняла, что ей не дадут повысить цены в Новый Год.

Рири отлипла от меня, оторвала от своей куртки два кулёчка и протянула их мне с самым что ни на есть гордым видом. Я знала, что она сильно старалась — Рири всегда была такой, и я прекрасно понимала, почему Эд до сих пор в неё влюблён.

Раскрутив большой свёрток, я выудила из него пару сапог. Жёсткая пятка, крепкий носок, низкий каблук и нескользящая подошва. Идеально. Работа наивысшего качества, и размер подогнан прямо под меня. Не став ждать удобного момента, я стянула старые ботинки и натянула сапоги Рири. Сели как влитые. От счастья я чуть не заплакала. Потеребив ярлычки сзади голени, я заметила, что Рири вышила на них первую букву моего имени.

— Как и всегда супер. — Промямлила я с полным ртом улыбок: благодарности и счастья. — Это ещё не всё?

— Да, но ты знаешь, что я возьму плату только за сапоги. — Строго отчеканила Рири, став грозить мне пальцем. А я всё улыбалась. — И по обычному прайсу.

— Ну конечно. — Достав кошелёк, я отсчитала для неё нужную сумму и тут же получила в руки второй свёрток. В нём лежали две батареи на проводах. Я совсем не поняла, для чего они, поэтому Рири пришлось объясниться.

— Это такие штуки, которые нужно сунуть в ботинки, чтобы они их грели. — Вся её уверенность вдруг куда-то пропала. Из-за выражения моего лица она и сама перестала полагаться на свою идею. Видимо, лицо у меня было глупое. — Знаю, ты любишь тёплые носки, поэтому подумала, что и тёплые сапоги тебе понравятся.

— Спасибо, Рири, ты просто чудо. — Я почти заплакала. Даже такие мелочи она помнила.

— Да ничего особенного. — От неловкости Рири стала кусать губы, но я перебила её, протянув пару ключей.

— Держи.

— Что? Ты даришь мне квартиру? Или целое здание? — она захихикала. — Спасибо, подруга, ты лучшая.

— Не здание, но я починила замок на твоей двери, так что теперь к тебе никто не зайдёт без спросу. Вообще, я посмотрела все замки. И прикрутила дверцу шкафчика на кухне. И подклеила плинтус в коридоре. И починила кран. И розетку у кровати, а то те голые провода напрягали меня уже несколько месяцев.

— О господи, спасибо! — Рири постеснялась, поэтому мне самой пришлось броситься ей на шею. Её кудри упёрлись мне в подбородок, а нос зашмыгал где-то у ключиц. —

А то всех их не дождёшься. Кажется, никто здесь, кроме тебя, так ответственно не выполняет свою работу. И чужую тоже.

Я не стала ни поправлять её, ни просить одуматься. Вообще-то, мне не стоило заниматься всем этим — на каждую работу есть свой специалист, но я не удержалась. Иногда приятно применить знания на деле. Всё-таки, это я учу будущих специалистов тому, как быть специалистами.

Часы намекали, что пора бежать. Сунув Рири контейнеры от Эда, я коротко попрощалась и поспешила на Собрание. Она всё спрашивала в чём дело, но я не могла этого объяснить. А Рири забеспокоилась. Пускай внимание Эда и было ей интересно, она бросила контейнеры за прилавок и побежала за мной. Вот чёрт, а Рири и правда отлично меня знала. По пути я объяснила ей, что дело связано с Киркой. За ворот нам упал снег, а в глазах поплыло из-за пота, но мы друг друга поняли. На подходе к школе Рири со свей дури поцеловала меня в нос, отряхнула от снега и пожелала удачи. Я почти опоздала и из-за поцелуя стояла вся красная. Но довольная.

И вдруг я потеряла все слова, которые заучивала столько времени. Обсуждали слабый напор горячей воды, отсутствующее отопление, мигающий в цехах свет. Плевать. Я заняла своё место за длинным прямоугольным столом прямо между бабулей Нюней и Движняком. Он всё пыхтел, сетуя на отсутствующие материалы для ремонта проводки на нижних

этажах, и я очень хотела добавить от себя пару слов про мигающий свет в кабинете, но не стала. А ещё скрыла все свои мысли о котельной и засорившемся в столовой водопроводе, хотя Паст просил меня упомянуть о нём. Чёрт бы меня побрал. Всё, на чём я могла сконцентрироваться — сопление Движняка и мои влажные от пота ладони. Ещё блокнот Кирки. Он так и висел на моей шее, напоминая об обязанности, которую я должна выполнить, потому что дала Кирке надежду.

Было волнительно. Нет, просто адски нервно. Я пыталась вырисовывать на ладони нужную просьбу, но ручка не писала из-за пота. «Я прошу вас позволить мне взять под опеку Кирилла Кирку. Это решение принято в связи с нашим близким общением на протяжении учебного года. Мне понятны все обязательства, связанные с опекой над ребёнком. У меня есть жилплощадь и стабильный заработок». Они и так всё это знали. Нас всегда было сорок человек. Вышло бы странно, не будь они знакомы со мной лично. Я подняла глаза и оглядела присутствующих. У половины из них были дети, всех из них учила я. Они понимали, что я достойный человек.

Настал нужный момент. Я прослушала всё обсуждение, но теперь было всё равно. Встав у дальней стены, я приготовилась представиться, но Игоревич сказал всё за меня:

— Также Мирослава Руслановна просит нашего одобрения на то, чтобы взять под опеку Кирилла Кирку. Давайте

обсудим это дело и поскорей разойдёмся. Всё-таки, скоро праздник. — Никто не стал возражать, поэтому Игоревич объявил о голосовании.

У членов собрания была минута на то, чтобы поднять и опустить руки, выбирая или отрицая чьё-то предложение. Бабуля Нюня и Движняк сразу проголосовали «за», остальные молчали. Переглядываясь с Игоревичем, они ждали, пока он примет решение насчёт меня. Нас было семь человек, а мозги оказались только у нас с Нюней и Движняком.

— Результат на лицо. Обсуждение окончено. — Сказал Игоревич, громко хлопнув ладонями об стол.

— Но я...

— Всех с наступающим праздником, увидимся через час.

Старый пёс меня даже не выслушал. Ему не понравился мой внешний вид? Я слишком молода? Слишком стара? Недостаточно мудра для того, чтобы забрать от него Кирку? Или знаю чересчур много? Я держалась до последнего, но всё же сорвалась. Поджала губы, проглотила язык вместе с криком и только кивнула, принимая решение Собрания.

Из кабинета я вышла с гордо поднятой головой. Правда, в слезах и совсем без дыхания. Не то, чтобы я сильно этим гордилась, но мне пришлось закрыться в коморке, чтобы дать себе волю. Выдох, выдох. Плотину прорвало, и я забилась в истерике.

Проклятый Дом, проклятые члены Собрания. Идиоты, решившие, что можно перестать думать головой и поддаться

выбору Мони Игоревича. Да у него даже имя тупое! Как кому-то вообще могло прийти в голову начать прислушиваться к человеку, у которого из нормального только отчество? Никого больше так не звали, только этого старого дьявола с его кривой бородой и длинными зубами.

Я села на пол и стала подпирать лбом стену. Всё зря. Столько времени я терпела его чёртову дочь и не высказывала ей всего, что хотела. И так долго думала о Кирке. Я приготовила для него комнату. Перед этим нужно было заняться ямой для своей собственной жизни. Не то, чтобы я рисковала собственной шкурой, совсем нет. Обо мне не шло и речи. Дело в Кирке. Я не знаю, как ему ещё оттуда выбраться. И дальше я буду каждый день видеть синяки на его тонкой коже; чувствовать вес блокнота с просьбой и тяжесть цепи, которой приковала себя к нему.

Я поняла, что забыла закрыть за собой дверь только тогда, когда ко мне зашёл Дима. Взъерошенный, со съехавшим набок галстуком и смятой на локтях рубашкой. В его глазах что-то блестело. Наверняка я выглядела жалко, а Дима просто не мог оказаться равнодушным к такому посмешищу, как я.

— Видел, как ты зашла сюда, но решил не вмешиваться сразу. — Он запер за собой дверь. Теперь я лежала на полу прямо перед ним, но его это нисколько не смущало. — Ну, чтобы у тебя было время побыть наедине с собой.

— Спасибо.

— Тёма хотел зайти, чтобы незаметно покурить, но я сказал, что сегодня это кладовка для утех.

— Класс. — Я утёрла нос рукавом и постаралась сесть. Ничего не вышло. — Теперь он станет думать, что ты изменяешь Помпе со мной.

— О нет, до такого Тёма точно не додумается. Сейчас как дунет, так и забудет, что вообще со мной разговаривал. Он нашёл что-то жёсткое, так что память ему отшибёт знатно.

— Понятно.

Дима замолчал, и я отвернулась в свой угол, чтобы избавиться от слёз. В груди сидело чувство, словно он отвлёк меня от какой-то важной мысли, но я уже и не помнила, о чём думала до того, как он пришёл. Что-то о Кирке. Господи, я так его подвела. Снова.

— Не знаю, за что ты борешься, но я с тобой. — Дима опустил на пол и сложил ноги так, словно собрался заняться йогой. Дурацкий вид. И дурацкая я с тупыми мыслями.

— За Кирку. — Прошептала я. — Борюсь за него.

— Тогда вдвойне с тобой, — без раздумий ответил он. Я поверила. — А что с ним?

— Хочу забрать его от Мони. Он идиот.

— Да, и имя у него дебильное. — Дима прочитал мои мысли.

Точно, дебильное имя, жаль лишь, что остальные из Собрания с этим не согласны. Такие, как они, не должны были принимать решения за весь Дом. Я прикусила щеки и врезалась в стену.

лась лбом в стену. Это был ужасный день.

— Ты ещё не передумала по поводу моего предложения?

— начал Дима о своей ерунде.

— Вообще о нём не вспоминала. — Честно призналась я.

— Мы можем взять Кирилла с собой.

— Не называй его так. Он Кирка.

— Если ты не заметила, я ко всем обращаюсь их настоящими именами. Мне не нужны эти клички.

— Ну зашибись. — Я вдруг поняла, что терпеть его не могу. Или другого человека в этой комнате. — Чего тебе здесь не хватает, раз ты так сильно хочешь сбежать?

— Кажется, меня здесь совсем нет. В Доме живёт только Дымчик, для Димы места не осталось. Думаю, ты бы заметила это и на собственной шкуре, если бы Собрание не относилось к тебе так хорошо.

Тоже мне «хорошо». Из всех присутствующих меня понимали только бабуля Нюня и Движняк. Я снова разозлилась, но гнев замер, когда я поняла, на что он намекает. Может быть, мне всё только казалось, вот только я не была в этом так уверена.

— Ты же знаешь, что слухи обо мне...

— Конечно знаю, — остановил меня Дима. — С чего вдруг ты вообще о них вспомнила?

— Потому что тогда ты поверил им, а не мне.

— Потому что за пару дней до этого ты отвергла меня и сказала, что не можешь встречаться с парнем вроде меня. —

Он пытался делать вид, будто всё нормально, но я слышала, как дрожит его голос.

— И первое, о чём ты подумал...

— Что не подхожу тебе по статусу. Вот и всё. — Дима встал, и я уже решила, что ему захотелось сбежать от меня, как он протянул мне руку. — Разговор окончен, так что пойдём напьёмся вдрызг и натворим глупостей.

— Каких в этот раз? — я почти улыбнулась.

— Может быть, стащим парочку одеял и уснём где-нибудь, чтобы завтра с утра пораньше припереться в магазин к Тёме посмотреть телек? Я одолжу у Пэм дисков, ей недавно принесли новые.

Я долго думала перед тем, как принять его предложение. И, может быть, я совсем рехнулась, но его рука оказалась для меня особенно тёплой. Держась за Диму, я поднялась и отряхнулась. Моя одежда выглядела ужасно, словно меня отпинали где-то на задворках мира.

Даже не знаю, за что я так ненавидела Эда. Почему именно его, а не Свету, которая придумала весь тот бред про меня и Игоревича. Может, дело было в том, что остальные в Доме поверили этим словам.

Но скорее всего на меня повлияло другое. То, что говорили про меня, было правдой, только тогда я этого ещё не знала.

В голове пульсировала идея Димы. Сбежать? Казалось, роще сразу наложить на себя руки — не придётся долго му-

чатся. Только теперь я знаю, как тогда ошибалась.

Глава 1

Кажется, ночью у меня треснул череп. Или об меня вытирали ноги. Или тайком сделали лоботомиию. Ну, на крайняк, я ещё могла перебраться, но это навряд ли. Терпеть не могу алкоголь, но новогоднюю ночь стёрло из памяти подчистую. Помню лишь, что отметили мы, вроде как, хорошо, и вот теперь Рири лежит на столе, укутавшись в скатерть, словно праздничное блюдо, к которому так и не притронулись.

Я долго моргала, пытаюсь сообразить, где нахожусь. Столовая. Свет выключен, а в окнах едва ли дребезжат лучи бледного солнца. Ранний рассвет или поздний закат. Кто-то крепко держит меня за руку, но я не уверена, что это именно моя рука. Мы в ворохе одеял и я, кажется, в спальном мешке. Жарко. Я насчитала шесть ног, значит, нас здесь трое. Одно тельце совсем маленькое — я нахожу голову от него и узнаю Кирку. Он обнимает меня за шею и вытирает нос о мою смятую блузку. Вот уж не знаю, как мы оказались в таком положении, но другим точно не стоит думать, что я отдаю предпочтение одному из учеников.

Медленно поднявшись, я переложила Кирку в спальный мешок. Он тут же сжал его так, словно я тоже нахожусь в нём. Странное зрелище. Почему этой ночью мы вообще оказались вместе?

Пытаюсь встать и уйти, но кто-то продолжает держать мою

руку; переплетает наши пальцы, и я понимаю, что он тоже не спит. Щипаю чужую ладонь, и тут показывается Дымчик. Видимо, он ещё не проспался, раз позволяет себе такое. Сильнее дёргаю руку, и Дымчик меня отпускает. Его сонное лицо что-то бормочет.

— Мир, постой. — Слышу я, когда он пытается выбраться из-под тяжёлого одеяла. — Что было? Этой ночью.

— Не знаю, но твоя потная ладонь отдала мне несколько пальцев. — Шиплю я, едва терпя головную боль. Сейчас бы прилечь, но тогда ситуация станет ещё более неловкой. Лучше забрать Рири и смыться отсюда как можно скорее.

— Прости за это. — Бубнит Дымчик, хватаясь за живот. Кажется, его вот-вот стошнит. — Я думал, что ещё сплю. Если я делал что-то...

— Ничего не было. — Резко отвечаю я. Знаю, что выгляжу потрёпано, но пытаюсь держать лицо. Сама не знаю зачем. Привычка. — Надеюсь, ты не станешь болтать, будто мы с тобой...

— Нет! — перебивает он меня. Слишком громко, Кирка недовольно заёрзал в спальном мешке. — Конечно нет, между нами и не могло ничего быть. Я имел ввиду, вдруг храплю или ещё что-то. Может быть, пинаюсь или дерусь во сне.

— Даже если и так, я ничего не почувствовала. — Развернувшись на пятках, я пошла к Рири. — Сама спала как убитая. Сомневаюсь, что вообще могла что-то заметить. Меня бы свернули в бублик, а мне и всё равно.

— Точно. — Посмеялся Дымчик, зачем-то последовав за мной.

— Слушай, Дым, я хочу сейчас побыть одна, так что не лезь. — Призналась я, но, кажется, слишком грубо. Он вдруг остановился и сказал:

— Дым? А моё обычное имя тебя не устраивает?

— Дым, Дымчик. — Я пожалала плечами. — Все тебя так называют.

— И я всех поправляю, вот уже сколько лет.

— Ну ладно, Дим. — Произнесла я с нажимом. — У меня, кажется, целая куча дел, и я предпочла бы разобраться с ними сама. Ну, знаешь, чтобы подумать в одиночестве.

— Конечно, я и не возражаю, Мирослава Руслановна.

— Мне слышалось, или это был сарказм? — сама не знаю, зачем продолжаю этот разговор. Похмелье даёт о себе знать.

— О, отлично, — он пропустил мои слова мимо ушей, — вода. — Подняв с пола опрокинутый кувшин, Дима допил то, что осталось на дне. И я не уверена, что это просто вода.

Футболка перекосилась на его плечах и задралась на спине. Кто вообще отмечает Новый Год в таком виде? Хотя, с учётом того, что очнулись мы на полу, это вполне логично. Я всё стояла, смотря на его голую поясницу, и думала, когда он заметит лёгкий озноб, крадущийся по его спине. А потом Дима запустил руку под футболку и стал лениво чесать живот. Так непринуждённо, словно мы находимся на собствен-

ной кухне, а не в общей столовой, куда в любой момент могут зайти другие.

Не понимаю, зачем я вообще остаюсь здесь, если с утра первого января дел у меня по горло. Сняв с Рири скатерть, я попыталась её растолкать, но всё тщетно. Поймав Рири под руку, я медленно поплелась к дверям. Как-то и не особо хотелось, чтобы Дима мне помог, но было бы неплохо, если бы он предложил помощь. Самой мне тащиться до квартиры Рири так долго, что ноги откажут.

На улицах пусто, всё как обычно. Единственный магазин закрыт, а мне необходимо что-нибудь от головы. Пара баночек пива, может быть. Да и в желудке повесилась мышь. Ха-ха. Я посмеялась себе под нос, словно меня снова накрыло. Если честно, сейчас меня устроила бы и мышь.

Проходя мимо грузовика Кузика, я остановилась. Рири оставила на скамейке, а сама поползла к кабине. Никого, но кто-то валялся на полу кузова. Дверь была закрыта неплотно, но меня покинули последние силы, так что, чтобы заглянуть внутрь, мне пришлось постараться. Кузик лежал на тоненьком матрасе в обнимку с кем-то. Может и стыдно, но опохмелиться хочется безумно, а у Кузика точно где-нибудь завалилась лишняя баночка пива, хотя бы на половину полная.

— Привет, тебе какое? — слышался голос из глубины кузова. Я подпрыгнула на месте и схватилась за сердце. — Тише ты, а то разбудишь его.

— Привет, Тёмный. — Прошептала я в ответ не слишком уверенно. — Это же ты?

— Конечно. А что, не узнала меня вне магазина?

— Боже, лучше помолчи. Я вообще не к тебе. — Тяжело выдохнув, я приготовилась толкать Кузика.

— В снегу возле столба. — Раздражённо пробурчал Кузик. Я не уверена, что он точно понимал, где и с кем находится, но про пиво он всё помнил в точности. — Три банки. Бери любую, кроме красной. Это моя.

— Спасибо, Куз, ты лучший. — Я благодарно поправила его одеяло, но Тёмный заёрзал и скинул его обратно. Ну и дела. Кажется, этим утром не я одна проснулась в странном положении.

В алкоболе я совсем ничего не понимаю, так что пришлось надеяться на вкус Кузика и Тёмного. Уж кто, а они точно разбирались в таких вещах. А ещё чересчур ими увлекались. По крайней мере, так о них говорили.

Прохладное пиво, Дом в свежевыпавшем снегу и Рири под боком. Отличное начало года. Во дворе ни души, и только из приоткрытого окна в квартире Светы играет музыка. Наверняка она закатила очередную тусовку, но не удосужилась позвать нас с Рири. Про себя я ещё могу понять, но вот Рири... Света могла бы вспомнить о ней хотя бы ради приличия.

Мне почти удалось очнуться, когда Рири заворочалась во сне и столкнула меня со скамейки. Я свалилась прямо в сугроб, но не спешила вставать. Всё равно меня никто не за-

метит. Пиво отхлестало меня по щекам и заставило расслабиться, и я почти уснула, когда услышала шорох за спиной. Вскочила, отряхнулась и машинально выдумала историю о том, как вообще оказалась в такой ситуации.

Во двор вышла баба Нюня, так что мне пришлось собраться с мыслями. Так, я здесь для того, чтобы дотащить Рири до кровати. Возможно, мне повезёт, и у неё в холодильнике окажется что-то съедобное. Хотя, зная её, я бы не стала сильно на это рассчитывать. Только если вчера к ней не заходил Эд.

Шапка насквозь промокла от снега, так что я стащила её уже на пороге. Странное чувство, словно меня окунули лицом в лужу. Так ещё и дверь никак не поддавалась. Я долго толкала её плечом прежде, чем поняла, что она заперта. Не помню, чтобы Рири ставила замок, раньше у неё всегда было открыто. В кармане её куртки я нашла ключ. Странное дело. А, может быть, из-за выпитого я просто чокнулась.

На полу бардак из одежды и лоскутов ткани, в которую превратилась старая одежда. А ещё в квартире ни пылинки. Идеальная чистота и абсолютный хаос. Я постаралась положить Рири на кровать, но вышло так, что я швырнула её через плечо. Она упала на подушку и даже не пошевелилась, когда я стянула с неё ботинки и верхнюю одежду. Рири очень разумно надела штаны под платье. И тепло, и никто не увидел лишнего, пока она скакала по столу.

Знаю, она была бы не против того, что я передела её в до-

машнее, но я всё равно старалась не смотреть. Разглядывала спальню, удивлялась выпотрошенным ящикам её рабочего стола. Шаблоны будущих ботинок лежали вперемешку с рулонами кожи. Рири не удосужилась даже стряхнуть заклёпки обратно в банку. Очень хотелось убраться, но я не стала ничего трогать — вдруг нарушу её стройный беспорядок.

В шкафу оказалось два контейнера с лапшой и тефтелями. Вот уж не знаю, каким образом мне так повезло, но они были совсем свежими. Вместе с одной из порций я добила остатки пива. Стало тоскливо. Ну, без людей. Рири проспит ещё долго, а ни у меня, ни у неё нет ни одной таблетки от головной боли. С такой даже не уснуть. Нужно найти либо ещё пива, либо дела, о которых я рассказывала Диме. Это ведь было сегодня? Я уже не уверена.

Мне вспомнился Кирка. Нехорошо оставлять его в столовой. Да и отличное занятие: перетаскать всех по домам, чтобы никто не отморозил себе причинное место. А особенно Кирка. У этого мальчика, кажется, не все в порядке, хотя за ним и приглядывает Игоревич.

Без особого желания, но я поднялась и поплелась обратно в здание школы, надеясь никого не встретить по пути. Хоть бы никто со мной не заговорил. По крайней мере, не Дима.

Движняк и Ригеля оккупировали детскую площадку. Они громко о чём-то болтали, украдкой посматривая на магазинчик Тёмного, видимо, ожидая, когда он его откроет. Я подумала, что было бы неплохо предупредить их, что очнётся

Тёмный не скоро, но не стала и просто остановилась посреди дороги, пялясь на их спины. Даже не знаю, что на меня нашло, но я стала подслушивать их разговор. Хотя какой там, эти крики можно было услышать и с другой стороны Дома:

— Позор, в моём-то возрасте. — Движняк постучал себя по вискам, видимо, сам не веря в то, что с ним случилось. — Я проснулся с головой в кастрюле, и рожа вся в крови. Я с кем-то дрался?

— Водка у тебя, поди, палёная была, вот и всё тут! — ответила Ригеля, с силой хлопнув Движняка по спине. — Я вот точно знаю, что было ночью. Мы, как и всегда, просиживали штаны в кругу, а потом Игоревич сказал последнее слово. И всё. Я умотала спать.

— Что он говорил-то?

— Всё старому: держимся вместе, нам всё не по чём, все хорошо поработали и так далее. Короче, держитесь друг за дружку и не дрейфите раньше времени, а то пенсии у нас в бюджет не входят, хотя скидочки вроде и есть. Сам понимаешь, им просто неудобно содержать нас, когда мы окажемся без зубов.

— Крепись, старушка. — Движняк постучал Ригелю по плечу. Они оба расчувствовались с утра пораньше.

— Да какая я тебе старушка? — гаркнула Ригеля ему в лицо прежде, чем слететь с горки. — Мне всего-то пятьдесят с хвостиком! Я тебя ещё на сто лет переживу.

— Верю-верю. — Посмеялся Движняк, хватаясь за уши.

Видимо, ему поплохело.

Я принялась мотать головой, только бы отвлечься от их игр. Просить у них лекарств точно нет смысла, Движняк сам с болью мучается. Может, выловить где-нибудь бабулю Ньюню и залезть в её аптечку? Но как-то неприлично заставлять врача возвращаться к работе с утра первого января. Ладно, значит, двигаюсь дальше, напрямик к Кирке.

Выпрямилась, постучала носками сапог для того, чтобы стряхнуть припорошивший меня снег. Красивые, всё-таки, сапоги, такие больше не делают. Раритет редкостный. С пальто тоже пришлось посудувать снежинки. По-хорошему надо было бы поглядеться в зеркало, а то на лице чёрт-те что. Хотя красоваться мне не перед кем.

Добравшись до школы, я быстро пересекла первый этаж и заглянула в столовую. Кирка так и лежал в спальном мешке, словно я и не уходила. А вот Дима куда-то делся. Что с него взять, не зря он просит, чтобы его называли простым, обезличенным именем. Никто кроме него не стал бы по доброй воли отказываться от такой привилегии, как рабочее имя.

Кто-то копошился в буфете, но я не придала этому значения и стала будить Кирку. Он сопротивлялся, всё глубже зарываясь в спальный мешок, но я настаивала. По крайней мере, до какого-то момента. Дима вышел из-за буфета с кучей только что разогретых булочек. От одного его вида у меня подкосились ноги, словно он толкнул меня в спину и отправил в свободное падение. Сегодня у меня совсем плохо с

координацией. Понимаю, где нахожусь, и ладно. Или не совсем.

Я на первом этаже школы, в руках у меня спальный мешок с ребёнком внутри, а над душой стоит парень, который действует мне на нервы. Дима подошёл ближе, и меня перевернуло от его запаха. Горячие булочки и яблочный сок комнатной температуры. Вполне себе приятно, но не для Димы.

— Если в Доме всё так хорошо, зачем тебе куда-то отводить Кирку? — спросил он в своей обычной наглой манере. Можно подумать, я обязана ему отвечать. — Пусть спит, это и его помещение тоже. Считай, что игровая.

— Не знаю, просто хочется... — я замялась, не решаясь подобрать нужные слова, но Дима сказал их за меня:

— Защитить его? — мне пришлось кивнуть, потому что он оказался прав. — Ну и от кого же?

— Ото всех. — Выпала я не думая. Да как он это делает? Почему с ним я болтаю что попало? — Твою мать, просто профдеформация. Я учительница, это нормально. Со временем пройдёт.

— Ага, вот только ругаться при детях ты, видимо, никогда не разучишься. — Дима стал смеяться, как придурок.

Проснувшись, Кирка продолжил кутаться в спальный мешок так, что я не могла разглядеть его лица. Он давно не спал и всё прислушивался к тому, что происходило вокруг. Слишком подозрительный для мальчишки его возраста. Отпустив ситуацию, я глубоко вдохнула и сделала шаг назад.

Эти двое отлично спелись и с успехом выводили меня из себя. Правда, без понятия, что в них такого, но меня их присутствие раздражает знатно.

Мне вдруг приспичило уйти, но я подумала о том, ради чего пришла. Отвести Кирку в его квартиру и, может быть, посветить перед Игоревичем. А ещё забить время до тех пор, пока не проснётся Рири. Я не успела ничего сказать, как Дима увязался за мной. Никто не просил его о присутствии, но ему, судя по всему, больше нечем было заняться.

Кирка с Димой шли впереди, и я нарочно отстала, чтобы лишний раз с ними не разговаривать. Я могла бы объяснить причину своего молчания, но навряд ли они стали бы меня слушать. Всё-таки, я учительница, мне положено быть общительной и чуткой. Я не уверена, но это, кажется, входит в мою должностную инструкцию. Пускай лучше они считают, что я перебрала с вечера, и у меня зуб на зуб не приходится. Завтра всё утрясётся. Наверняка.

Грузовик Кузика стоял на месте, а вот они с Тёмным сидели на той же лавочке, где я недавно припарковала Рири. Они совсем не соображали, но пытались говорить. Беседу явно вёл Тёмный. Кузик лишь обречённо смотрел куда-то перед собой, даже не заметив, что его окликнул Дима.

Не разберу, что они обсуждали, но разговор точно был непростым. Почему-то мне захотелось послушать то, о чём могли говорить парни, вроде них, да ещё и с похмелья. Прикусив язык, я уговорила себя не лезть не в своё дело. Всё-

таки, и своих проблем у меня немало. Нужно ещё довести Кирку до квартиры и уговорить Диму отвязаться.

Пиная небольшие куски снега, оторвавшиеся от сугробов, Кирка без толку объяснял что-то о своей приставке. Хорошо ему, видимо, живётся, раз у него дома их целая куча. Большая домашняя, несколько маленьких для того, чтобы рассовывать их по рюкзакам и утаскивать из дома. Наверняка у него уйма друзей. И без понятия, как он оказался в столовой с нами — я, Рири и Дима не слишком-то подходящая компания для ребёнка его возраста.

У нас немного жилых зданий: четыре пятиэтажки. Под белым небом они кажутся особенно серыми. Словно без людей в Доме совсем нет жизни, прямо как в шестнадцатиэтажном здании по центру одного из дворов. Нелепое, серое. В нём давно никто не живёт, и я уже перестала задаваться вопросом «почему». Всё кажется таким простым. Скорее всего там был склад или база Жданы, Веры и Антипы — единственных, кто выходит за пределы Дома на вылазки. А я за те внешние стены даже не заглядываю. Страшно знать, что за ними ничего нет. О таком я стараюсь не думать.

Дел много, а я умудряюсь задумываться о том, что происходит снаружи. Без понятия, если честно, что там находится, но для меня главное, что здесь нас достаточно, чтобы каждый мог быть при деле. А за внешними стенами, соединяющими здания и пристройки, может быть всё, что угодно. Что-то, что не шумит, не пахнет и не пытается к нам вторгаться.

ся. Должно быть, тот мир дружелюбен, но не слишком, раз к нему допускаются всего три человека. И, если они справляются, то беспокоиться не о чем. Главное, что они всегда находят то, что нам нужно, а иногда и что-то поинтересней.

Я примерно представляю, что с той стороны. Всё-таки, фильмы я смотрю, да и книги читаю, а там всё описывается вполне точно. Не всегда, конечно, но тем, что зовутся биографиями, я вполне себе верю. Уж кто, если не я, умеет отличать достоверную информацию от подделки? Это моя работа.

Кирка развеселился и стал пинать снег с удвоенной силой, пока Дима кружил вокруг него, пытаясь понять, стану ли я участвовать в их играх. О нет, я не выдержу и дальше выдавливать из себя терпение. Не зная, как лучше показать им, что меня ничто здесь не держит, я опустила на лавочку перед подъездом и притворилась спящей. Кирка не сразу понял, в чём дело, но всё же смекнул, что доносить меня не стоит.

— Ты в порядке? — кажется, Дима и правда идиот. Просто. Отвали.

— Да. Похмелье, вот и не лезу к вам. — Я вовремя вспомнила отличную причину для своего молчания.

— Для того, чтобы быть собой, оправдания не требуются. — Он лишь пожал плечами. — Если тебе не интересно с нами, то это нормально. Тебе незачем претворяться.

— Я и так не претворяюсь. — Кое-как сообразила ответ. Дима достал меня до чёртиков.

— Никто здесь не понимает, кто он. — Произнёс Дима с особенно довольным видом. Ему явно понравилось озвучивать свои мысли. — Но это так, по секрету.

— Почему ты вообще делишься этим со мной?

— Потому что вижу, что мы с тобой одного поля ягоды.

— Да отвали ты уже. Хватит лезть мне в голову, — я кричала, но из горла вырывался лишь шёпот. Я шипела похуже прорванной в подвале трубы. Словно кто-то включил все конфорки и газ засвистел у потолка. Теперь я была на переделе. — Там ничего нет. Совершенно ничего. Потому что мне нечего скрывать, а ты допрашиваешь меня весь этот долбаный день.

— Допрашиваю? А я думал, что мы просто общаемся.

Я не выдержала, подошла к Кирке и, схватив его под руку, повела в подъезд. Как раз вовремя, чтобы столкнуться в нём с Помпой. Она устало потирала глаза, пока её растрёпанные косички свисали с плеч. У меня на мгновение перехватило дыхание, и я уже сама не разобрала, от удивления или от злости, но из-за этого у меня покраснелись уши.

Помпа поздоровалась со мной раньше, чем заметила, что перед ней стою именно я. Её мягкий голос быстро долетел до Кирки, и он тут же отскочил от меня, прячась ей за спину.

— О, а я как раз собиралась тебя искать. — Улыбнулась Помпа, пригладив шапку на голове Кирки. — Спасибо за помощь, Мира.

В ответ я только кивнула. Резко развернулась на пятках,

соскочила с лестницы и пошла к себе так быстро, что ни у кого не возникло сомнений: я очень тороплюсь. Снег тут же ударил меня по лицу, а холодный ветер забил нос. Мне ужасно хотелось закрыться в своей комнате, забраться за батарею и наконец-то согреться. Ничто другое мне уже не поможет. Разве что у Кузика с Тёмным осталось немного пива.

У грузовика никого не было. У столба остались две полупустые банки, и я залпом выпила из них выдохшееся пиво. Гадость та ещё, но делать было нечего. Жестянки полетели в мусорку, и меня едва не стошнило, когда я заметила лужу рядом с ней. Им что, было так сложно дойти до туалета? Похорошему стоило бы донести на них Собранию, но сегодня я и так слишком часто видела их лица. Обычно мы даже не общаемся.

Сняв варежки, я запустила руки в чистый снег. Мне нужно остыть. Донести на них? Да мне нужно поблагодарить их и купить им по баночке газировки, как только они проспят. Отличный план. Хоть кто-то, кроме Рири, не успел меня достать. Неплохой результат для начала года.

Не помню, как добралась до кровати, но в голове чётко отпечатался образ моего лица в обнимку со смятой подушкой. Я отключилась сразу же, как забралась в постель. Оно и к лучшему. День и без того вышел долгим.

Голова раскалывалась так, словно меня всю ночь швыряли в стену. Кажется, я даже не сняла с себя ботинки и просто

упала в кровать в мокром пальто и грязных сапогах. Да уж. Я ожидала от себя большего.

У меня чёткий план: сходить в душ, что-нибудь съесть и развалиться на диване перед телевизором в такой удобной позе, чтобы мне не пришлось вставать ближайшие сутки. Звучит просто отлично, но я уже пропустила завтрак, а обед начнётся через полчаса. Выбравшись из-под одеяла, я быстро стянула с себя одежду. Что-то на шее без конца цеплялось, и я заметила это лишь тогда, когда тонкая цепочка порвалась, и блокнот упал на пол. Что это? Видимо, вчера кто-то нашёл меня спящей в столовой и решил так надо мной подшутить.

Я быстро пролистала блокнот в поисках колкостей, но нашла лишь одну короткую запись:

«Он снова это сделал. Пожалуйста, заберите меня отсюда»

Не поняла ничего из написанного, но у меня сбилось дыхание. Обращение на «вы», значит, писал один из учеников. Но кому могла понадобиться моя помощь? И кто мог пытаться навредить ребёнку в нашем Доме?

Первым делом я подумала о Кирке. В ту ночь он, судя по всему, был со мной, но такому, как он, навряд ли нужна помощь. Кирка живёт с Игоревичем, так что у него всё в порядке. Не стал бы глава Собрания доводить одного из своих подопечных до того, чтобы он обратился ко мне за помощью. Ему это не выгодно. Да и я никогда не была близка с Киркой настолько, чтобы он понадеялся, что я могу спасти его

от тирана-опекуна.

У ребёнка, оставившего мне записку, проблемы. Остаётся понять, кто такой «он» и кто просит его забрать. Ну, или можно просто забить на глупый розыгрыш. Скоро обед, а мне ещё нужно успеть смыть с себя прошлогоднюю грязь.

Протокол встречи Собрания от пятого января

Моней Игоревичем, Славой Движняком, Антониной Ньюней, Верой, Антипой и Сулой Сусеком на закрытой встрече Собрания было рассмотрено дело выброса мусора в неположенном месте Кузьмой Кузиком и Артёмом Тёмным.

Утром второго января Полиной Помпой было обнаружено скопление мусора на дороге близ детской площадки — недалеко от парковочного места грузовика. Кузьма Кузик и Артём Тёмный признались в нарушении правил, совершённом первого января. Привлечённым к ответственности разъяснена грубость их проступка.

Собрание решило: назначить четыре часа общественных работ Кузьме Кузику и Артёму Тёмному. Срок приведения решения Собрания: до седьмого января.

Глава 2

Дожёвывая последнюю банку персиков, я никак не решалась сходить в магазин. Мне не помешали бы семечки или ещё что-то, чем можно занять рот и забить желудок, только бы не выходить в столовую, когда там столько нетрезвых людей. Конечно, я хорошо к ним отношусь, а некоторых — Рири — даже люблю, но мне нужно будет вернуться к работе через пять дней, и я не собираюсь тратить своё драгоценное время на то, чтобы опять с кем-то общаться. Без других, конечно, не обойтись, но мне отчаянно хочется побыть одной. Мозг всё пытается что-то обдумать, но я не понимаю, что именно. У меня какие-то проблемы? Скорее всего нет, но от чего-то мне заломило сердце, словно я упустила нечто очень важное.

Кажется, никто другой не чувствует себя так же, как я. У Рири всё прекрасно, а с остальными я об этом не разговаривала. Может быть, я поддалась послепраздничной депрессии, но меня не отпускает чувство, будто из моей жизни что-то пропало. Без понятия, о чём эти ощущения, вот только я очень хочу послать их куда подальше.

Я уже пропустила столовую, остаётся надеяться лишь на магазин. Натянув джинсы поверх домашних штанов, я надела пальто и очень понадеялась, что никого сегодня не встречу. Правда, с Тёмным всё равно придётся поговорить. Всё-

таки, касс самообслуживания у нас нет. Я даже не уверена, что такие правда существуют. В фильмах часто что-то выдумывают.

Фонари горели, но на улице темно. Мне пришлось держать капюшон, чтобы его не сорвал ветер. Снаружи никого, не считая меня и низкого бесцветного неба. Я бы подумала, что надвигается конец света, если бы он уже не наступил. А, хотя, никто не отменял его продолжения.

В витринах поблескивает несколько лампочек. Маленький синий магазинчик с пологой крышей всегда был для меня странным местом. Здесь точно творится что-то страшное. Может быть, Тёмный продаёт человечину или типа того. А если и есть другое, то об этом все давно знают. Ни для кого не секрет, что Тёмный балуется запрещёнкой, но я уверена, что это ещё не всё. Двойное дно, скрывающееся за хлипкими, неровно выкрашенными стенами.

На пороге я старательно отряхнула сапоги от снега. Не хочется доставлять Тёмному лишних неудобств с мытьём пола прямо перед закрытием. Обречённо вздохнув, я прошлась вдоль забитых консервами полок. В карманах у меня припрятаны две баночки газировки. Лучшие из тех, что у меня есть. Из-за усталости я не особенно чувствую благодарность, но точно готова уступить свою газировку Тёмному и Кузику. Всё-таки, они хорошие парни.

— Ну здравствуй, Мир. — Протянул Тёмный без особого энтузиазма. А я большего и не ожидала.

Он замолчал, уставившись в какой-то журнал. Я никогда не понимала того, что он читает. Сплошная фантастика с теориями заговоров. Такой ерундой может увлекаться только Тёмный. Наверное, после выпивки он сам их пишет, а потом, как очнётся, и не помнит, что автор у всех историй один.

Не знаю зачем, но Тёмный всегда экономил электричество. Так и сейчас он сидит с несколькими светильниками, один из которых подсвечивает его кассу. Кто-то наклеил на стену за его спиной ёлку из зелёной мишуры. Выглядит неплохо, но это единственное украшение здесь, а Тёмному на неё всё равно. Думаю, проблема в том, что его в принципе мало что интересует.

— Даже гирлянду не повесил. — Сказала я, поставив перед ним красивые, отливающие синим жёстянки с почти невредимым логотипом. — Что, совсем нет настроения отмечать?

— Можно подумать, у тебя есть. — Ухмыльнулся он, и полупрозрачные веснушки на его щеках подскочили. Пожалуй, только благодаря ним Тёмный и выглядит живым. В блеклом свете его холодная кожа кажется искусственной. — Это что? Надумала продать мне мой же товар?

— Первого января вы с Кузиком сильно меня выручили. Вот, вам в благодарность. — Я подтолкнула к нему банки.

— Спасибо, я ему передам. — Тёмный убрал газировку под кассу. Видимо, убрал их подальше, поблагодарив меня лишь ради приличия. — Так что будешь брать? Пиво? Вод-

ку? Виноградный сок?

— Пять пачек лапши, банку паштета и самую большую упаковку семечек.

— Ага, ага. — Записав всё в тетрадь, Тёмный снова полез под кассу.

Минуты шли долго. Мне уже померещилось, что он там потерялся, когда его затылок ударился о столешницу. Вынырнув, Тёмный недовольно поморщился и взял что-то с полок. Работал он ловко, хотя для этого совсем не старался. Знал, что успеха ему здесь не добиться, да и никто не требовал от него особых достижений. Главное, чтобы деньги считал правильно и вёл учёт проданных товаров. И с этим он отлично справлялся даже поддатым. Правда, сегодня вечер пятницы, а Тёмный трезвее всех, кто всё ещё продолжает справлять Новый Год.

Пока он складывал мои покупки в пакет, я мельком заглянула в его журнал. Там какая-то статья о подпольных организациях, тайно испытывающих на людях лекарства, ещё не вышедшие в свет. В углу страницы отрисованы ампулы с тёмной жидкостью, а рядом фото припрятанных в канализациях трупов инопланетян — они похожи на плохо нарисованных «Черепашек ниндзя» из девяностых. Чёрт знает, как в этот бред вообще можно поверить, но Тёмному такое нравится. Откуда только он берёт такие журналы? Сомневаюсь, что Вера, Антипа или Ждана притаскивают их снаружи специально для него.

— Заказ готов. — Тёмный протянул мне пакет с продуктами, шёпотом добавив: — Я положил тебе горсть фисташек в счёт заведения.

— Спасибо. — Протянув ему помятую купюру с горстью момент, я выждала, пока он всё пересчитает.

— А ликёра не возьмёшь? Хватай, пока Ригеля со Жданой всё не скупили. — Бросил он между делом. — Вот уж не знаю, с чем они мешают эту бурду, но ходят довольные.

— Я не пью ничего, кроме пива.

— Не верю.

— Постарайся. В супер черепашек-ниндзя ты же веришь.

— Подглядываешь, значит. — Тёмный закатил глаза, и я нехотя улыбнулась, засмотревшись на его кривляния. — Я не сильно младше тебя, а ты воспринимаешь меня как малолетнего придурка, курящего травку и зачитывающегося комиксами о заговорах корпораций.

— Тебе всего девятнадцать. Конечно, разница в пять лет просто огромная. — Скрывая смех, я добавила, старательно проговаривая каждое слово: — Ты поймёшь это, когда вырастешь.

— Бла-бла-бла. — Передразнил он меня. — Ну, вообще, в этом есть доля правды. Я придурок, а ты неприлично старая. Но хорошо сохранилась.

Не став возражать, я попрощалась и пошла к себе. Невесомые стены магазина и так слишком долго бросали на меня тени. Такого быть не должно, но, оказавшись на улице, я

почувствовала их отсутствие. А, может, дело в Тёмном и его любви к жуткой ерунде.

Небо упало ещё ниже, горизонт завалился, а фонари замигали, напоминая о том, что скоро выключатся. Кто-то ёрзал на площадке, съезжал с горки с тихим визгом. Либо дети, либо Ригеля с Движняком — вариантов не то чтобы много. Под ногами захрустел свежий снег. Рассыпчатый, словно сахар. Поплотнее прижав к себе пакет, я быстрее засемила в направлении квартиры, стараясь не смотреть на стены междомов. Может быть, Тёмный и читал выдуманные ужасы, но я слышала о настоящих. Уже и не помню, кто просил меня не выглядывать во внешний мир, но я всегда нутром чувствовала, что там что-то не так. Было в этом что-то противоестественное. Дикое. Может, там не завелись ни оборотни, ни зомби, но было нечто иное — пустота и неизвестность.

Помпа крутилась между фонарных столбов, повторяя собственные следы. Вот уж кому точно нечем заняться. Отец никогда не отпускал её к Свете, а там сейчас были все наши ровесники. Даже Рири решила заглянуть к ней, чтобы насобирать слухов и историй, которые потом выдаст мне на обеде. Её, конечно, никто не звал, но когда Света достаточно выпивает, то перестаёт различать лица. А ещё так она добреет.

Я прошла мимо Помпы с полной уверенностью, что мне нет до неё дела, но на её щеках блестели крохотные льдинки. Да и глаза покраснели от слёз. Это никак не относится ко мне. Я просто иду к себе. И у меня уж точно нет нужды

звать Пэм, чтобы дать ей согреться. Конечно, я не прикидываю, как устроить её в свободной комнате и какую футболку выдать для сна. Не такая уж я и приветливая. Но, когда мой взгляд снова коснулся внешних стен, я не смогла промолчать.

— Хочешь поесть сухой лапши со специями, как будто это чипсы? — спросила я, давась тревогой.

— Что? — переспросила Помпа, хотя точно меня услышала. Она перестала метаться между столбов, посмотрела на меня с испугом и замерла. Наверное, не ожидала, что я не пройду мимо.

— Мы все здесь, вроде как, близкие люди. — Пожав плечами, я отвернулась. Фонари замигали чаще. Ещё немного, и погаснут. — Решай скорее, я очень хочу домой.

— Но ведь мы уже Дома. — Сказала Помпа сдавленным голосом. — И мне есть, куда идти. Ты не подумай...

— Если ты отказываешься, можешь так и сказать. — Я уже успела пожалеть о том, что вообще её заметила.

— Нет, я совсем не против. Просто, — она запнулась на полуслове. — Мне придётся всё время молчать, чтобы ты не узнала ничего лишнего.

— Без проблем. — Я едва сдержала улыбку. Помпа будет молчать? Так даже лучше. Мне как никогда нужна тишина.

Продолжив шагать в сторону подъезда, я услышала, как за спиной хрустнул снег. Первый шаг Помпы был неуверенным, следующие дались легче. Быстро догнав меня, она

попыталась взять меня под руку, но остановилась. Даже не представляю, почему ей захотелось это сделать. Если я и могла чем-то приглянуться Помпе, то сама не понимала чем. Хотя и она, наверное, тоже не знала, почему шла, прижавшись ко мне, словно её могло унести от меня ветром.

У двери она тоже струсила. Дождалась, пока я зайду и оставлю вещи, чтобы самой запереть дверь. Странно это всё. Её что, кто-то бросил? Или она сбежала с вечеринки Светы, и теперь не знает, как показаться отцу пьяной? Алкоголем совсем не пахнет, но Помпа могла принять что-то без запаха. Тогда, может быть...

На ней плотная рубашка с длинным рукавом. Ну конечно, зима же. Вен не разглядеть. Отправив Помпу отогреваться в душе, я бросила пакет с продуктами у дивана и включила телевизор. Он совсем маленький, квадратный и с большим пузом. Я никогда на него не жаловалась, хотя так сильно хотелось. Мне бы покрупнее, да такой, чтобы не заикался к концу кассет. И было бы здорово, если бы он принимал диски — в моём нужный отсек давно сломан. Приходится перебиваться тем, что есть.

Я без конца кручу одни и те же фильмы на английском. Специально, чтобы не понимать ничего из сказанного и сильно не вникать. Некоторые слова я знаю, но большинство реплик додумываю. Меня спасает только Рири, но и у неё почти нет кассет. Все давно пользуются дисками, а я, кажется, застряла в прошлом. Где-то между динозаврами и изоб-

ретением видеоигр. Их у меня, к слову, тоже нет.

— Если будет скучно, можешь взять что-нибудь почитать.

— Предложила я, когда Помпа вышла из душа.

Моя одежда сидит на ней как влитая. Я бы даже поверила, что давным-давно она досталась мне от неё. Не помню даже, откуда у меня большинство вещей. Может, они уже были здесь, когда я заехала.

Мне стало стыдно за то, что Помпе достались сильно поношенные пижамные штаны. Кажется там, сзади, есть несколько дырок, но она старается не обращать на них внимания. Просто принимает за данность то, что я ужасная хозяйка. Но, по крайней мере, у меня чисто. Если не считать пыли в труднодоступных местах, к которой я боялась при-трагиваться. Она лежит там так давно, что может и укусить.

— Да, спасибо. — Ответила Помпа, забравшись на мой диван с ногами. Она чувствует себя здесь слишком свободно, а ведь раньше я ни разу не звала её в гости. А если такое и случалось, то она никогда не была в моей одежде.

— Хочешь чаю?

— Да, спасибо. — Не думая повторила Помпа.

— А лапши?

— Да. — Видимо, всё совсем плохо. — Спасибо.

Я подняла пакет с пола и ушла на кухню. Вот уж не знаю, что там на уме у Помпы, но выглядит она как всегда отлично, разве что моргает чуть чаще. Когда расскажу Рири о том, что под ночь затащила к себе Помпу, она рассмеётся и скажет,

что я готова на всё ради того, чтобы попасть в Собрание. Хотя, о таком рассказывать не стоит. У Помпы наверняка что-то случилось. И это что-то достаточно серьёзное, раз она не захотела возвращаться к отцу.

Пока кипел чайник, я стояла над раковиной, пытаюсь смыть с себя усталость. Получилось избавиться лишь от разводов снега; синяки под глазами остались. Я весь день ничего не делала, но ощущение такое, словно мне на плечи свалился груз мироздания, а если и не он, то что-то очень тяжёлое. Страшно. Пришлось подойти к окну и поплотнее закрыть шторы, чтобы не видеть внешних стен. Я и так никогда не открывала штор — первый этаж, всё-таки — но темнота безостановочно давит мне на плечи. Наверное, дело в погоде. Или я заболела. Или тот блокнот, что висел у меня на шее, не выходит у меня из головы.

Я долго думала над тем, кто мог написать эту просьбу о помощи. Не получается узнать почерк, ни один из моих учеников так не пишет, в это я уверена наверняка. Окажись автором кто-то из детей, я бы узнала его, но писал кто-то другой. Взрослый. Наверняка эта записка оказалась чьей-то злой шуткой. До такого ведь нужно было додуматься! Кто-то попытался надавить на меня, а я и поддалась, как настоящая дурочка.

Пока я мучила себя ненужными мыслями, лапша распарилась от кипятка так, что начала разваливаться. Ну и ладно, Помпа навряд ли станет возражать, всё равно есть больше

нечего. А паштет я ей не отдам. Это для бутербродов. Рири обещала стащить из столовой немного хлеба. Не то, чтобы я это одобряла, но такое мне на удивление легко закрыть глаза.

Помпа включила телевизор, полистала пустые каналы, которые никогда не работали, и остановилась на играх, встроенных в каждый старый телевизор. Писклявая белка собирает орехи, падающие с неба, а разбитая на пиксели листва мерцает где-то на фоне. Помпа тяжело дышит, нажимая на кнопки до тех пор, пока белка не объелась настолько, что у неё вырос живот. Остальные орехи покатались мимо. Опустив пульт, Помпа накрыла лицо руками и забралась пальцами в волосы. Длинные светлые пряди аккуратно лежат на её коленях. Просто прелесть. Помпа совсем не похожа на своего отца — если Игоревич строг и в лице, и в теле, то она мягче подтаявшей на солнце ириски.

— Вот, держи. — Я протянула ей тарелку и кружку. — Стола у меня нет, так что поставь на подлокотник, но я обычно держу всё на коленях.

— Спасибо, Мира. — Помпа подняла на меня взгляд. Самый нежный из всех, что я когда-либо видела.

— Не за что, — я замерла, решая, как к ней обратиться. Знаю, ей больше нравится, когда её называют Пэм, но я предпочитаю наши нормальные, рабочие имена. Вот чёрт. Не могу я расстраивать её ещё больше. — Пэмми.

Она улыбнулась. Наконец-то. Не выключая недовольно горбящейся белки, я села рядом с Помпой и отпила бульон

из своей тарелки. Музыка из игры была тихой, но я понимала, что Помпа трясёт ногой ей в такт, и не задумываясь о том, чтобы поставить на паузу. Раньше я никогда не заходила в этот раздел меню. Обычно, когда мне нужно, чтобы что-то мельтешило на фоне, я просто включала телевизор, чтобы логотип бегал по экрану, отскакивая от стенок. Но с музыкой даже приятнее. Мои аудиокассеты уже надоели. Я думала перейти на диски, потому что Ждана стала приносить их из вылазок всё больше, но так этого и не сделала.

Мы молчали до тех пор, пока наши тарелки не опустели, а чай Помпы не остыл. Она обещала, что не будет много болтать, и я очень понадеялась, что ей не придётся нарушать своё слово. Собрав посуду, я закинула её в раковину. Потушила свет, дошла до спальни, сняла кофту со штанами и отключилась. Ну, или попыталась. Я ещё какое-то время ворочалась прежде, чем у меня получилось забыть, что в гостиной кто-то есть.

Музыка играла до рассвета. Кажется, Помпа и не думала ложиться спать.

— Я знаю, как ты к этому относишься, но я увидела целую кучу дырявых носков и не удержалась. — Скромно проговорила Помпа, показывая мне корзину заштопанного белья.

— Я хотела сдать их Рири на починку. А ты отняла у неё работу.

Мне с трудом удалось её принять. Внутри неприятно щи-

пало, словно я притащила в свой дом врага. Но, если я откажу ей, она снова расстроится. Без понятия, почему это так для меня важно. Может быть потому, что мне не хочется тратить на неё ещё одну пачку лапши. Денег и так немного из-за того, что все праздники я ем дома, а не в столовой. Покупать еду в магазине за свой счёт не очень-то выгодно, но я больше не знаю способов, как избежать лишних разговоров с людьми. Успею наговориться на работе. Любые выходные у меня обычно уходят на то, чтобы ото всех отдохнуть.

— Понимаю, прости. — Сказала Помпа, виновато отведя взгляд. — Просто я не такая, как ты.

— Не такая занудная? — посеялась я.

— В смысле, мне это не настолько принципиально. Если я умею что-то делать, то почему бы мне не использовать свои навыки по необходимости...

— Мне кажется, вы с Димой отлично бы спелись.

— Ты так думаешь? — от чего-то её глаза загорелись. Нехотя, но я снова улыбнулась только потому, что она была довольной. Что ты будешь делать... — Может, мне подойдёт кто-то ещё?

— Даже не знаю. — Меня насторожило то, как она стала расспрашивать меня о парнях. Я что, похожа на эксперта?

— А ты случайно не знаешь, где Дима был в Новый Год?

— Без понятия. — Легко соврала я, вспоминая, что проснулись мы вместе. И слишком поздно я поняла, что моя ложь может быть легко раскрыта Киркой, живущим вместе

с Помпой и Игоревичем. — Вернее, я и могла быть в курсе, но тогда сильно перебрала. Всё из головы вылетело.

— Ладно. — Разочарованно проговорила она. Вдруг её глаза снова вспыхнули. — А ты не слышала, кто из наших свободен?

— Тёмный, — всерьёз начала перечислять я, а сама чуть не смеялась. Помпе двадцать два, по возрасту ей подойдёт кто угодно. Не считая, конечно, стариков и детей. — Эдик, Кузик, Дима, конечно же...

— О, Дима. — Кажется, она выбрала свою цель. — Это точно?

— Ну да. Кому он вообще может нравиться?

— Ты права. Если бы у него кто-то был, мы бы давно знали. — Помпа совсем меня не поняла. Я имела ввиду, что Дима идиот, но вместо объяснений спросила:

— Ты что, решила начать ходить на свидания?

— Нет, просто пообещала себе поменять что-нибудь в новом году. — Неуверенно ответила Помпа.

— Я не сомневаюсь, что у тебя всё получится. — Легко сказала я, точно зная, что говорю правду. Помпа само очарование. Я недолго задержала взгляд на её милом лице и естественно розовых губах, когда она улыбнулась и чмокнула меня в щёку. Не такой благодарности я ожидала, но тоже неплохо.

Застегнув куртку, Помпа погладила меня по руке, пробормотала что-то о долге передо мной и испарилась за дверь.

Она ушла, а из гостиной ещё играла музыка. Пузатая белка больше не бегала, и лишь сидела посреди леса, довольно махая хвостом. Глупая игра, в ней даже очков не набрать. Я уже собиралась выключить телевизор, когда белка пискнула и, завертевшись волчком, появилась с крохотным бельчком. Ну и дурость. Как создатели игры вообще собирались это объяснять?

Вдруг я поняла, что не почистила зубы. И даже не пригладдила волосы. Я привыкла, что таким ранним утром у меня может быть только Рири. Она единственная, к чьему приходу не нужно готовиться. И было бы неплохо в кои-то веки надеть штаны. Чёрт, что со мной происходит? Как я вообще додумалась выйти к Помпе сразу же после того, как выбралась из кровати? Ладно хоть на мне ещё надета майка, а перед сном я не догадалась вместе с носками снять трусы.

После новогодней ночи что-то у меня в голове работало в неправильном направлении. Но мне нельзя сходить с ума, у нас нет психиатра, а если я и свихнусь, то меня отправят поговорить с кем-нибудь с фермы — предложат погладить свинюшку или покататься на корове, чтобы избавиться от стресса. Сомневаюсь, что в моём случае это хоть чем-то поможет. Разве что Паст из жалости положит мне побольше пюре за обедом.

Я не успела запрыгнуть в штаны, а в квартиру зашла Рири. Она отперла дверь своим ключом. Думала, что я сплю, и не хотела будить.

— Ты что, тут с кем-то развлекалась? — начала Рири прямо с порога.

— Нет, с чего ты взяла? — я тут же нырнула в спальню, чтобы одеться.

— Можно подумать, я плохо тебя знаю. — Она громко цокнула, повесив на свой крючок шапку с шарфом. Даже на расстоянии я чувствовала, что от неё несёт перегаром. Видимо, ночь была весёлой. — Во-первых, ты не спишь. Во-вторых, на тебе только трусы. В-третьих, в коридоре горит свет, словно твой гость только что смотался.

— А от тебя ничего не скрыть, да? — напоследок накинув на себя свитер, я вышла к ней и увидела, что она едва стоит на ногах. Второй раз за год мне пришлось помогать Рири идти. И ведь он только начался.

— Я видела, как из твоего подъезда выходила Пэм, а здесь живёте только вы с Движняком. — Заговорщицки прошептала она мне на ухо, пока я тащила её до кухни. — Сомневаюсь, что Пэм была у него. Ты что, успела найти себе новую лучшую подругу? Я, если что, ревную.

— Не стоит, мы почти не разговаривали.

— Значит, были заняты чем-то другим. — Посмеялась Рири, за что я ущипнула её за бок. Там что-то зашуршало. Стоило ей присесть, как из-под её кофты выпала салфетка с хлебом. Ладно, пол вроде чистый. — И что же вы делали? — захихикала она, громко икнув. — Играли в настолки? На раздевание?

— Ты слишком навеселе. Не хочу пока с тобой разговаривать. — Я достала баночку куриного паштета и села напротив. — Что там было у Светы?

— Сказала же, что не будешь со мной говорить. — Снова посмеялась Рири. Я закатила глаза, выхватила у неё хлеб и стала делать бутерброды, не обращая на неё внимания. Без него она продержалась недолго. — Ой ладно, я поняла. Готовься к сочной сплетне, дорогуша, потому что это длинная история. Короче, — начала Рири с противоречия, пока я ставила чайник. — Светка там всякого поукрашала, что-то налепила на стены, и я заметила, что на стене возле шкафа у неё такая ёлка, знаешь, из мишуры. Зелёная, она ещё туда прицепила игрушки. Слава богу пластиковые, а то там все за всё цеплялись, сорвали бы её, а я б потом по стеклу ходила. Кстати, у тебя почему ёлка не стоит? Ты бы хоть ради приличия достала ту из кладовки. У меня вот на работе вся в гирлянде стоит, как засветится, так все ко мне заглядывают. Ну и заодно покупают что-нибудь, хотя бы кошелёк какой. А, ну и вот, я смотрю, смотрю. Думаю, где-то видела точно такую же ёлку, из этой же мишуры, да ещё и так же булавками подцеплена. Такими, понимаешь, совсем не в цвет, так что их видно, если вглядываться. И вот я вглядываюсь и у меня перед лицом Тёма появляется. Не в смысле что он был на тусовке, а то, что я точно эту же ёлку видела в его магазине. Стою затылок чешу, вокруг музыка орёт, кто-то уже снёс Свете дверь, и я замечаю, Эдика. Он на меня так смотрит,

словно единственный трезвый. Я, конечно же, сразу к нему. Говорю, видел ёлку такую же, а он мне «да, это я её сюда нацепил». У меня сразу мыслительный процесс, думаю, вот гад, даже не поздоровался со мной. Спросил бы хоть как дела там, ещё что-то, а он мне про ёлку. Ну я, короче, спросила у него ещё, а зачем он такую же у Тёмы наклеил, и он что-то там наплёл, типа денег у него в начале недели не хватило, Тёма их простил, поэтому ему захотелось подарок ему сделать. Я в первую очередь, конечно же, разозлилась. Эдик нормальный вообще? Мне так он ничего дарить не захотел, и не поздравил никак. А мы друзья, типа того, ну ты в курсе. Я вот и как-то громко на него наорала, что Света услышала. Говорю, а что теперь, у Тёмы можно не только деньгами расплачиваться, вот так обалдеть. Света, понятное дело, сразу к нам, за собой ещё парня со стиралки, белобрысый который и как-то перчатки мне не вернул. Вообще не понимаю нафига он нужен. У него, наверное, зарплата никакущая. Да, конечно, он ещё мусор убирает, снег гребёт, но это же фигня, а не работа. И вот, короче, Светка его тащит, а у него вся шея в засосах и, кажется, не от неё. Они же даже не встречаются, вообще впервые их вместе вижу. Не то, чтобы я присматривалась, мне так-то пофиг, но всё равно странно. Ну, короче, Света так на меня посмотрела, будто я там вообще каким боком не пристроена. Эдик это заметил и тут же меня на себя потащил, типа я с ним пришла, она и успокоилась. Бутылку допила, отдала своему стиральщику, и он как полагается

ему по профессии, понёс её к мусору. А Света в это время нам с Эдиком шепчет: «так а вы в курсе, Темщик на то и Темщик, что не всё у него в журнале написано». Ситуация такая. Говорят, к нему девушки ходят, всякое просят, а он с них плату принимает, — Рири понизила голос, откашлялась и выплюнула мне прямо на бутерброд: — натурой.

— Да ну бред. — Ответила я, отхлебнув чаю.

— А я вот вполне себе могу такое представить. Тёма так-то симпатичный парень, со своими приколами, правда, но кто ж без них. И я спрашиваю у Светки: «кто вообще будет спать с Темщиком?», хотя, конечно, понимаю, что много кто б согласился. Я не про себя, конечно же, но ситуация теоретическая. Мне б он предложил что-нибудь этакое, не знаю даже, все сезоны «Тотали Спайс» или «Тутенштейна», я бы задумалась и, может, согласилась бы. Ну и, в общем, Света мне говорит, что видела, как к Тёме Пэм заходила, что-то задержалась там, а потом Света сама к Тёме пошла, где-то час прошёл, а она вся в слезах из его туалета выходит, ещё и что-то в кармане прячет. Жуть, в общем-то. Не знаю даже, что и думать. Я сижу молчу, а Эд выдаёт: «Тёма что, настолько плох в сексе?». Света кивнула, и я прямо выпала. Они что, того самого? Понятное дело, она постоянно что-то выдумывает, занятие у неё такое, но чтоб Пэм так позорить, ещё и при всех, это ещё додуматься нужно. Я в ней разочаровалась, честное слово, даже стоять с ней рядом теперь не хочу. И вот, короче... сколько раз я уже сказала «короче»?

Еда то у неё бесплатная, её Эдик принёс, чтобы его пустили, а то так бы он туда ни ногой. В смысле, его бы Света не пустила. Вот я и осталась, чтобы поесть нахалюву. Эдик ещё и готовит вкусно. Я хотела тебе что-нибудь утащить, но там всё расхватили, я сама и то с божьей помощью эти штучки попробовала, «кэпэпэ» или как там...

— Канапе.

— Да-да, вот их. Эдик там себе на всякий случай чуть-чуть отложил, я у него стащила. С его разрешения, конечно. А, ну и вот, что я хотела сказать. Стиральщик, не помню имя, валяется где-то у Светки, так что снег никто не почистил. Там не пройти, не знаю, как домой пойду. Сугробы до крыши. — Рири вскинула руки и подпрыгнула, коснувшись пальцами потолка. Села, надулась, и поняла, что совсем выдохлась.

— А про записку ты... — осторожно начала я, но она меня перебила.

— Точно, я там поспрашивала невзначай. Типа, времечко-то непростое, может кто что слышал. — Разочарованно вздохнув, Рири посмотрела на меня более трезво. Максимум, на который она была способна сейчас: собрала сознание в кучку и выжала из себя всю сообразительность. — Пусто. Даже Света ничего не придумала. Говорят, у деток сейчас самый сок, каникулы же, вот они и трутся на площадке у третьего дома, где качели двойные, и ковыряются в шестнадцатietàжке.

— Она же пустая, что им там делать?

— Вот именно, Мир. Пустая, родители не смотрят. Отличная новость, а особенно с учётом того, что Тёма, оказывается, за свои товары не только деньги принимает.

— Да боже мой, что все так к нему прицепились. — Я сунула ей бутерброд, чтобы она не сболтнула ещё какой ужас.

Даже не знаю, почему мне было так сложно поверить в то, что человек, которого мы все зовём Темщиком, продаёт детям запрещёнку. Либо я размякла из-за чая и тёплого свитера, либо то, что он помог мне с пивом, заставило меня вести себя лояльнее. К такому, как он! Все, даже Игоревич, знают, что у Тёмного можно достать не только консервы с прилавка, но и то, что он прячет под ним. Я хорошо помню нашу вчерашнюю встречу, его глупый журнал и невпопад брошенные шутки. А ещё фисташки, которые он оставил на дне моего пакета. Тёмный что, пытался меня подкупить? Или рассчитывал, что я расплачусь с ним как-то иначе? Ну уж нет, так не пойдёт. Кто-то из нас точно «не такой».

— Не мне, конечно, тебе указывать, — пробубнила Рири, набив рот хлебом с паштетом. Несмотря на то, что она говорила, нам обоим было понятно: если кому мне и указывать, то только ей. — Но ты сможешь разобраться с этим блокнотом, когда выйдешь на работу. Присмотришься к детям, заметишь кто как ведёт себя друг с другом, да и в столовой наконец-то покажешься, а то остальные, наверное, думают, что ты либо в спячке, либо умерла под каким-то сугробом.

— Просто скажу, что была занята новыми учебниками. —

Я лишь пожала плечами.

— Но ведь это враньё.

— Вернее, удобная форма правды. Я доставала учебники, полистала парочку, так что мне будет что рассказать.

Рири посмотрела на меня так многозначительно, что я решила, будто снова забыла надеть штаны. Конечно, я понимала, в чём дело. Только она знала, что я отсиживаюсь дома не потому, что по горло увязла в повышении своих профессиональных компетенций. Я хотела побыть одна, а этого не так-то легко добиться, когда на работе от меня не отводят взгляд ни на минуту. Ещё и три приёма пищи в столовой, где все всегда под наблюдением. А мне нельзя расслабляться, если я хочу наконец попасть в Собрание. Обо мне должны быть хорошего мнения. Терпеть это не могу, но другого выхода нет.

Осталось постараться всего ничего. Ещё немного, и всё закончится: я попаду в Собрание и стану настолько значима для нашего общества, что у меня получится отстоять себя. Какая к чёрту столовая? Ненавижу есть на людях. Пускай пакуют контейнеры и раздают их, чтобы мы могли забрать еду на свою кухню. Фонари отключают слишком рано. Батареи греют очень слабо. И где мне достать новое пальто так, чтобы не обанкротиться? Кто вообще составляет списки для отряда, выбирающегося во внешний мир? Нам нужно больше одежды, больше фильмов и книг по истории вместо приставок, которые без конца приносит Вера. Куда нам их столько,

если у одного только Кирки консолей больше, чем игр для них?

Может быть, у меня получится перестать врать, если я стану той, кто будет судить чужую ложь. Я перестану скрывать-ся. Не то, чтобы я этого хотела, но было бы славно, начини я общаться с людьми так, как хочется мне, а не как подо-баёт моей роли учительницы. Чёрт возьми, я единственная, кто работает с детьми! И мне некого просить помочь с ни-ми, ведь никто не должен понимать в этом больше меня. А я сама мало что соображаю, когда слышу шепотки за спиной. Хочется развернуться и сказать им пару ласковых... но они дети, мне положено их терпеть.

— Всё закончится, когда ты станешь членом Собрания.
— Сказала Рири, грустно дожевав бутерброд. — Или даже раньше, если передумаешь. Но я не верю, что моя Мирослава Руслановна способна сделать шаг назад.

— Звучишь складно. Ты что, совсем протрезвела? — улыбнулась я, оставив свою кружку с парой болтающихся на дне чайнок.

— Ещё нет. — Она совсем не разобрала моего сарказма. Потому что я почти его не использую, не смотря на то, как сильно мне это хочется. — Я посплю у тебя? А то до квар-тиры не дойду.

— Да, только не блюй мне в комод, как в прошлый раз.

— Не было такого. — Недовольно загундев, Рири с уси-лием заставила себя оторваться от стула.

— Было. Тогда твой дядя прокипятит суп вместо того, чтобы его выбросить.

Рири осуждающе покачала головой, проходя мимо меня к спальне. Я медленно проводила её взглядом и осталась на кухне. Выключила свет, достала небольшую лампу и учебник по физике. Если я хочу добиться своей цели, мне нужно врать убедительней. А у меня всегда получается выигрывать лишь с той ложью, в которой много правды.

Всё закончится, когда я стану членом Собранин. Рири права. Доберусь до верхушки, и уже никто не решится меня осудить. Чем скорее я дойду до цели, тем лучше. Мне никто не помешает. Кроме человека, написавшего ту записку.

«Он снова это сделал. Пожалуйста, заберите меня отсюда»

Протокол встречи Собрания от пятнадцатого января

...было рассмотрено дело выброса битого стекла в непо-
ложенном месте Жданой и Светой.

Вечером субботы (тринадцатого января) Жданой и Све-
той были разбиты три стеклянные бутылки. Осколки остава-
лись на детской площадке сутки, пострадавшие не обнаруже-
ны, место происшествия найдено Мирославой Руслановной.
Привлечённые к ответственности признались в нарушении
правил, им разъяснена грубость их проступка.

Собрание решило: назначить пять часов общественных
работ Ждане и Свете. Срок приведения решения Собрания:
до двадцатого января.

Глава 3

Ужасное утро. На улице темно, а батареи греют так слабо, что мои носки остались ледяными несмотря на все мои усилия согреть их. Холодно, у меня снова кончилась еда, и сегодня мне придётся прийти в столовую на завтрак. Ещё и первый рабочий день после праздничных выходных. Хуже и не придумаешь. Ладно хоть Движняк вышел из подъезда в то же время, что и я. С ним мне будет спокойнее.

Он шёл в большой зимней спецовке, и я недолго слушала, как поскрипывает болоньевая ткань, когда догнала его и едва не влетела в сугроб, наскочив на льдину.

— Воу, — протянул Движняк, хватая меня под руку. У меня вышло удержаться на месте, но за это он раскачался на льду так, что его густая борода поцарапала мою щёку, словно металлическая губка для мытья посуды. — Ничего, завтра выберем другую дорогу. — Сказал Движняк, и я кивнула.

Пришлось прикусить губу, чтобы не начать улыбаться. И в этом году мы будем ходить на работу вместе. Пускай это всего пять минут в день, но мне этого достаточно, чтобы не забывать, что и у меня когда-то были родители.

После того, как Рири напомнила мне о своём дяде и его кипячёной бурде, я долго выглядывала Движняка в окне. Он появлялся один, в компании Ригели, но ко мне не заходил. Был занят, наверное. Или все и вправду решили, что я умер-

ла в сугробе.

Рири сорвала джекпот. Счастливица. Наш главный повар, Паст, приходился ей родственником. Даже если бы они не рассказали об этом, мы бы и так всё поняли по их глазам. Они оба щурятся, когда разглядывают что-то вдаль. И за чем-то оттопыривают уши, если разговаривать с ними слишком тихо. А если смешить их достаточно долго, можно добиться того, что они начнут хрюкать.

Не у многих сохранилась семья. Вернее, почти ни у кого. Даже не помню, что стало с моими родителями. Всё произошло быстро, да и теперь я всё чаще думаю, что жизни до Дома у меня никогда не было. Всю жизнь я только и делала, что вела уроки в школе, сидела в столовой, зависала с Рири на рынке и торчала в магазине, чтобы тайком посмотреть телевизор в подсобке Тёмного. И это всегда ощущалось нормальным, но лишь до тех пор, пока Славик Движняк не переехал в мой подъезд из уже заброшенной шестнадцатиэтажки.

Раньше мы почти не пересекались. Всё-таки, этот старичок (который просил так его не называть) чаще виделся с проводами, чем с людьми. Не то, чтобы он был нелюдимым, но я никогда не видела его ни с кем, кроме Ригели. А потом лампочка в нашем подъезде перестала моргать, тонко намекая, что мне стоит поблагодарить Движняка. Тогда я стащила откуда-то приличный коврик и положила у его входной двери вместе с запиской: «отличная работа». После мы не слышали друг о друге ещё несколько месяцев. В конце кон-

цов, мы столкнулись у подъезда. Замерли, поздоровались, встали рядом и пошли на завтрак нога в ногу. Спустя неделю молчаливых прогулок я сообразила сказать:

— Сегодня рис с тунцом.

— Терпеть не могу рыбу. — Прохрипел Движняк, раздражённо шевеля усами. — Её придумали для идиотов, чтобы айкью повышать.

Я улыбнулась, и больше мы не сказали ни слова. Таким он был: недовольным, сутулым, слишком широким в плечах из-за громадных рабочих спецовок. А потом я узнала, что Движняк сходит с ума по американским боевикам начала двухтысячных, потому что ему нравится постановка кадров и он что-то в этом понимает. И он слушает «Рамштайн» уже так долго, что знает все их песни наизусть. Даже играет на гитаре! Я аккуратно выползаю в подъезд, когда слышу, что Движняк начинает бить по струнам, выбравшись на площадку перед окном для лучшей акустики. Слушаю его, жду, когда запоёт, но он использует только гитару. Молчит, как и в остальной жизни. Движняк предпочитает инструменты языку. Но иногда я слушаю его монологи так долго, что пересыхает во рту. От него у меня захватывает дух. Вот бы он был моим настоящим дядей.

Всего пять минут в день. Я не могу обойтись без них, но иногда жду, что Движняк заглянет ко мне, я налью нам чаю и мы посидим в тишине до тех пор, пока нам не надоест слышать дыхание друг друга.

Когда мы подошли к школе, столовая уже была забита под завязку. В первый рабочий день все решили плотно набить животы. Нет, конечно, я никого не осуждаю, но можно было бы и не занимать все места, кроме тех, что остались у окна. Сквозит. И здесь отопление работает так себе. Мне вдруг оказалось жизненно необходимо двинуть Диме так сильно, чтобы у него заболели рёбра. Вот уж что, а холод я терпеть не могу.

Мы с Рири встретились за прилавком раздачи. Она ела прямо там, болтая с Пастом и высматривая меня в зале. Нашлись мы достаточно быстро. Паст с Движняком обменялись короткими кивками, а я взяла нам подносы. Не знаю, что в моей тарелке: либо смесь риса с фасолью, либо какой-то омлет, но пахнет отлично, хотя подача так себе — Паст никогда над ней не заморачивается. А вот салат не только пахнет, но и выглядит прилично.

— Это Эдик готовил. — Сказала Рири, заглянув на кухню. Эд стругал заготовки для обеда с таким старанием, словно собирался выиграть в гонке по шинкованию лука. — Он залил слезами весь стол, но на доску не попало ни капли. — Улыбнулась Рири так, словно ей нравилось смотреть, как Эд плачет. — Настоящий профессионал.

— Вы близко общаетесь? — спросила я как бы невзначай. Без понятия, что Эдик из себя представляет, но то, что он постарался для того, чтобы попасть на вечеринку Светы, говорит о многом.

— Да. Ну, в смысле, совсем немного. Периодически пересекаемся, болтаем. — Протараторила она, подтолкнув меня к столу. — Я расскажу тебе вечером, сейчас некогда. Хочу ещё посмотреть на него, пока он в этой глупой поварской шапочке.

Закатив глаза, я поддалась ей. Кажется, в последнее время я делаю это чаще обычного.

Проболтали мы всего минуту, а Движняк уже исчез. Я оглядела столовую, встретила с парочкой любопытных взглядов и окончательно убедилась, что все в самом деле считали, будто на праздниках я задохнулась в сугробе. Ладно, не важно. По крайней мере не так сильно, как то, что Движняк занял стол у окна вместо того, чтобы, сославшись на боли в костях, прогнать кого-нибудь с насиженных мест. Неприятно поёжившись, я пошла к нему и поняла, что сидит он не один. Рядом Ригеля и Дима. Дима? Этот придурок совсем не справляется со своей работой, и теперь сидит, утирая соплю с носа.

— Доброе утро. — Сказал он с таким видом, будто оно в самом деле доброе.

«Иди к чёрту», — подумала я, но вместо этого произнесла вслух:

— Доброе, как там в котельной?

— А ты всё о работе. — Его губы растянулись в кривой, перевёрнутой улыбке. Из-за неё я решила, будто со мной что-то не так. Иначе откуда в его глазах столько сочувствия?

— Если холодно здесь, то холодно и в классе. Дети могут заболеть. — Выдумала я правильный ответ.

— Так я и поверил. — Дима поморщился, словно от меня ужасно пахнет. И снова я забеспокоилась о том, что в чём-то странная. Опять без штанов? Или окружающие всю мою жизнь молчали об огромном хвосте у меня за спиной? — Так и скажи, что сама боишься холода.

— Давай-ка попроще. — Насупился Движняк, указав в сторону Димы вилкой.

— В Доме реально холодрыга. — Сказала своё слово Ригеля, хотя её никто об этом не просил.

Я всегда её побаивалась. Взгляд Ригели всегда был таким, словно она в любой момент может вскочить и, не особо заморачиваясь, отхлестать шлангом от стиральной машины того, кто заговорит с ней без должного уважения.

— Почему вы говорите со мной так, словно это я заправляю и котельной, и всем Домом? — недоумевал Дима, видимо, не понимая, чего мы пытаемся добиться. Информации, чёрт возьми! А он не может связать и двух слов, если они относятся к делу.

— У тебя могут быть ответы, которые мы достанем разве что из задницы Игоревича. — Ригеля пожала плечами. Она говорила об Игоревиче с лёгкостью, которой быть не должно.

— Никого не стесняется. — Объяснил мне Движняк, чтобы я смекнула, что Ригеля не просто наглая женщина с первыми хмурыми морщинами.

По взгляду Димы я заметила: он уже пожалел о том, что мы к нему подсели. Сжав челюсти так плотно, что скрипнули зубы, Дима испытывающе на меня посмотрел. Можно подумать, что это я, а не Ригеля, по пользе сравнила его с задницей Игоревича. Мне бы такое и в голову не пришло. А вот ей — запросто.

— И почему же мне кажется, будто вы донимаете меня, как школьные хулиганы? — твёрдым голосом сказал Дима. Он был недоволен нами настолько, что отставил тарелку и собрался уйти, но я остановила его короткой фразой:

— Нам нужна твоя помощь.

О господи, зачем только я открыла рот? Кто тянул меня за язык? Этот парень слишком догадливый, когда дело касается меня, но ноги уже подкашиваются от холода, а спину сгибает дугой. Ещё немного, и моя кровь превратится в лёд.

Нужно что-то менять, это понимают все. И сбой в работе котельной — мой шанс проявить себя ответственной и внимательной к проблемам Дома. Тогда путь в Собрание будет для меня открыт.

— Если ты что-то знаешь, — я запнулась, ещё не уверенная в том, что поступаю правильно. — Это нас успокоит. Не хочется начинать год с волнений об отоплении.

Дима уставился на меня так, словно я схватила его обеими руками, умоляя остаться. Слишком много взглядов, пора завязывать. Может, начать носить солнцезащитные очки? Или просто перестать с ним пересекаться.

Я держала ладони на коленях, и, несмотря на холод, они вспотели. Дима понял, для чего я хочу узнать правду о котельной, или просто завис? Расколоть бы его, как орешек, но будет жаль избавляться от такого симпатичного лица. Угловатого, с высокими скулами и почти невидимыми бровями, но совсем не отталкивающего. Ему бы встать на раздачу за-место Паста. Будет приятно видеть хотя бы одно не угрюмое лицо, когда принимаешь свою порцию овсянки: идеальной, совсем без комочков, но плюхнутой в посудину так, словно до тебя её кто-то пережевал.

— Не могу сказать точно, что происходит, — начал Дима тихим, совсем низким голосом, — но в одном я уверен на-верняка: на днях Игоревич заглядывал в котельную. То есть, это был личный визит к Парапрапорщику. Тогда он попро-сил меня свалить, ну а я, понятное дело, не мог послушаться. Начальство, всё-таки. Не знаю, что они обсуждали, но после Прапра сорвался на меня с такой речью, что я не смогу её повторить при всём желании. Там были слова, каких я нико-гда и не знал.

— Например? — поинтересовалась Ригеля, явно надеясь обновить свой арсенал ругательств.

— Молочный загрызденец, окурок малопепельный, свеч-ка из жо...

— Всё, не надо. — Попросила я, когда заметила, что Ри-геля взяла что-то себе на заметку. Не хватало ещё, чтобы потом она рассказала об этих прозвищах Колену. Тогда они

с Биркой не дадут мне жизни, перебрасываясь ими каждый раз, как я отвернусь к доске. — Может быть, тебе известно что-то другое? Более...

— Полезное? — перебил меня Дима. Он снова был не в духе и переступал с ноги на ногу, намереваясь уйти. Не знаю, что Диме так не нравится, но ведёт он себя как самый настоящий малопепельный окуроч.

Движняк нахмурился, почувствовав его раздражение, и продолжил есть свой омлет, украдкой поглядывая на тот, что собрался оставить Дима, но Ригеля добралась до него первой. Мне было неловко за них, но ещё больше меня волновало то, что Дима не спешил уходить. Он всё стоял, смотря на меня так, словно это мой шанс. Делает мне одолжение, позволяет перед ним извиниться. Да я лучше проглочу собственный язык, чем буду потакать его прихотям. Вопрос важный, а этот засранец срывается на нас, словно это наша вина, что сегодня он такой недовольный.

— Дай-ка подумать. — Он постучал пальцем по подбородку, делая вид, словно о чём-то размышляет. Будто ему есть чем размышлять. — Прошёл уже добрый час от утра, а единственное, о чём со мной говорили, так это о котельной. Это был твой первый вопрос, Мира. — Дима смотрел на меня не отрываясь, кажется, уже целую вечность. — Как там в котельной? Да мне насрать. В жизни есть вещи куда более подходящие для обсуждения за завтраком. И я бы с удовольствием поинтересовался, как у вас троих дела, но вы

не даёте мне и шанса.

— К слову, как дела, малец? — сказала Ригеля совершенно серьёзно.

— Теперь ужасно, но спасибо, что спросила. — Он указал на неё и обратился к нам с Движняком. — Вот как это делается. Вам двоим есть чему поучиться.

Мне пришлось постараться, чтобы сдержать раздражённый вздох. Дима настоящий молочный загрызденец, что бы это ни значило.

Он всё-таки ушёл, оставив нам и омлет, и свою кружку с чаем. Металлическая, с ручкой, на которой полопалась краска. Она явно его личная, из котельной или из дома. Неужели брезгует настолько, что носит отдельную кружку? А тарелка у него тоже своя? Стоп. Какого чёрта я вообще об этом думаю? Дима больше не стоит у меня над душой, можно спокойно выдохнуть.

— Чего он вообще так завёлся? — спросила я, как оказалось, вслух. Движняк незамедлительно ответил мне:

— Пока не покажешь другим, где твоё место, они будут делать с тобой всё, что хотят. Там, где ты молчишь, за тебя додумывают другие. Дима этого не хочет. Он не такой, как мы.

У меня спёрло дыхание. Кажется, это была самая длинная связка слов, что я от него слышала. Его и раньше никто не перебивал, но только сейчас Движняк произнёс речь, в которой оказалось больше двух предложений.

— Твою мать, старьёй, что ты такое лопочешь? — вмешалась Ригеля, стуча зубами о ложку с омлетом Димы. — Мы в столовой или на сраной лекции?

— Я не читаю лекции. Это дело Миры.

— Тогда хватит пудрить малышке мозг. Знаешь, что я думаю об этом всё? Вообще насрать, чего они там себе придумывают. Главное, сама про себя лишнего не сочинишь, а то припрутся к тебе с новой работой. Почини то, подкрути это. Да откуда мне знать, как работают конфорки в плитах? Я что, сраный газовщик?

— Парень постоял за себя, вот и всё тут. — Угрюмо проворчал Движняк, снова принимаясь за еду. — Нам не о чем разговаривать.

Ну ладно, кажется, это всё. Запас слов на день исчерпан, и теперь можно не ждать, что Движняк заговорит снова. Какая удача, что я застала его высказывание лично. Он всегда молчит. Такие моменты нужно хватать и запоминать получше.

Еда хороша на вкус, но отопление не даёт мне покоя. Это слишком хороший шанс ближе подобраться к Игоревичу. Если я начну решать те же вопросы, что и он, то ему наконец удастся понять, что я заслуживаю места в Собрании не меньше, чем остальные его члены. Тем более что с одним из них я уже неплохо лажу. Движняк состоит в Собрании с самого его основания и не откажется порекомендовать меня остальным. И отлично, что в столовой мы сидим вместе. Во-первых, это полезно для дела. Во-вторых, мне самой нравит-

ся воображаемая семья, в которой состоим только мы с ним.

Когда народ стал расходиться, кружка Димы так и осталась стоять рядом с опустошённой Ригелей тарелкой. Чай, к слову, допила она же. Я недолго смотрела на кружку, пока не решилась прихватить её с собой. Лично верну законному владельцу, чтобы поглазеть на котельные. Там что-то творится, и у меня не будет лучшего шанса узнать, что именно.

Всё так, как положено: лампа мерцает, батарея гудит, ученики шепчутся, а я стою у доски, объясняя то, что они и так знают. Как правило, последняя тема года вылетает из голов детей так же стремительно, как и они из класса, поэтому я смирилась с тем, что всё нужно повторять дважды. Я пытаюсь приглядываться к ученикам, но всё бесполезно, потому что никто не может задержать на мне взгляд дольше, чем на три секунды. После каникул дети рассеянные и часто зевают. А Колен и Бирка забили на меня тут же, стоило им зайти в класс. Вот и сейчас они болтают, брызжа слюной от смеха. Ещё немного, и всех нас потопят. Меня пробирает дрожь. Скорее бы Папапрапорщик с Игоревичем решили проблему в котельной. Пускай мой план притереться к Собранию покатится к чертям, так я хотя бы не околею.

Уроки почти закончились. Осталось проверить, ответили ли старшеклассники на вопросы в конце параграфа. Снова материаловеденье, терпеть его не могу. И только потому, что на эти занятия приходят Колен и Бирка.

— Вопрос первый, магнитные металлы, — начала я, указав на Бирку. — Что к ним относят?

— Никель, — Бирка с умным видом загибает пальцы, — железо, конечно же, кобальт, ганд... — он запнулся, а Колен стал ржать как не в себя.

— Гадолиний. — Поправила его Цежа, не забыв упрекнуть. — С чего ты вообще о нём вспомнил? Он упоминается всего один раз за параграф. Что, всю ночь зубрил, чтобы произвести на нас впечатление?

— Цеж. — Я покачала головой, понимая, что она нарочно выводит его из себя. Хочет, чтобы Бирка сорвался и в наказание получил от меня дополнительное задание. — Вопрос второй твой. Какие неметаллы обладают теплопроводимостью?

— Й-ёод, — она неожиданно для себя икнула. — И графит. — Добавила Цежа поспешно.

— Блеешь, как овца. — Захохотал Колен. — Тебя этому на ферме научили?

— Заткнись, придурок. — Цежа раскраснелась и прикрыла лицо светлыми волосами.

— Иди утопись в снегу, дура. — Добил её Колен.

— Мирослава Руслановна, разве вы не видите, что он делает? — Цежа вскочила с места и злобно ткнула в него пальцем. — Как вообще можно говорить оскорбления в классе? Мы не в цирке, чтобы он тут обезьянничал.

— А ты то у нас так часто бываешь в цирках. — Заохал

Колен с притворной обидой. — Как жаль, что меня в обезьянник не позвали. — Он ненадолго задумался и вслед за ней поднялся со стула с громким аханьем. — Ах да, точно! Ты же там живёшь!

— Вы не должны так разговаривать друг с другом. — Я попыталась их остановить, по глупости надеясь, что это сработает.

— И как мне тогда разговаривать с такой, как она? — Колен нахмурился, показывая мне, что я его враг номер один. Вернее, пока ещё номер два. — Мы с Биркой сидели никого не трогали, а эта критичка стала придираться к нему. Ей заняться больше нечем!

— Ты не ответил ещё ни на один вопрос, а грубостей в сторону Цежи сказал столько...

— О, я всё понял. Вы на её стороне, потому что вы женщина. — Сказал он с презрением.

Можно подумать, это моя вина, что Колен с Биркой родились не с той хромосомой. Вообще-то, пол будущего ребёнка зависит от отца, так что обижаться ему следует на мужчин. Но этого я конечно же, никогда не произнесу в слух. Не хватало мне ещё потом выслушивать шутки Колена про папу Цежи. Его не остановит даже то, что отец у них один.

— А давай ты перестанешь нести чушь, как сексист. — Насупилась Цежа и покраснела лишь больше. Её веснушки казались зёрнышками на поверхности спелой клубники. Только бы Колен перестал пытаться её укусить...

— А давай ты захлопнешь свою варешку. — Передразнил он сестру.

— А давайте мы вернёмся к теме урока и закончим со свойствами металлов прежде, чем я выдам вам домашнее задание в два раза больше, чем планировала? — я хлопнула в ладоши, попытавшись разрядить атмосферу. Бирка тяжело вздохнул. Он должен быть на моей стороне, но я в этом уже не уверена.

С Цежей и Коленом всегда было непросто. Они близнецы, но живут в разных домах: за Коленом приглядывает Ригеля, а за Цежу отвечает один старик с фермы. Не знаю, в чём причина, но и в классе они всегда сидят порознь. А на материалаловедении, которым занимаются всего трое — Цежа, Колен и Бирка — у них стираются все границы. И я хотела бы вызвать к себе ответственных за них взрослых, но одна из них Ригеля. Разговор точно будет коротким. Колен растёт таким же, как она, пускай кровь в них разная. Боюсь представить, что выйдет из этого разговора. Да и того старика с фермы я знать не знаю. Навряд ли мне вообще удастся вспомнить его имя.

Пока ученики собирали вещи, я соображала, какой педагогический приём мне к ним применить. Идея пришла сама собой. Колен с Цежей нарушили дисциплину, так что им же придётся внести в неё свой вклад. Может быть, они помогут мне навести порядок после занятий или составят конспект по учебнику, который уже разваливается, а у меня не хватает

времени переписать из него нужные главы.

— Мне не нравится ваше поведение. — Я попыталась сделать свой тон мягким, но переборщила.

— Нам ваше тоже. — Хором ответили трое.

— Тогда давайте это исправим. Подумаем, что можно сделать, чтобы...

— Ненавижу вас. — Прошептал Колен, но я понадеялась, что мне послышалось. Цежа стыдливо отвела взгляд. Похоже, они заодно. Чёрт возьми. Они выбежали, и кто-то из них хлопнул дверью.

Первый учебный день после праздников. Я закрылась в кабинете и, с силой сжимая кулаки так, чтобы ногти впились в кожу, позволила пролиться слезам. Всего несколько. Я же не идиотка, сама всё понимаю. У них сложный возраст, а поговорить не с кем — сверстников нет, из подростков у нас лишь они трое, поэтому они цепляются за тех, кто постарше. Цежа смотрит на меня, а Колен повторяет фразочки Ригели. Если она сболтнёт ему новые ругательства Прапра, моим нервам конец.

Мне этого не исправить, но почему-то теперь я должна думать, как примирить тех, кто ненавидит друг друга с пелёнок. Если пущу это на самотёк, через время всё станет хуже. Ригеля и тот старик с фермы придут ко мне разбираться, что не так с моими уроками, если дети уходят с них такими расстроенными. И если Ригеле, я уверена, на это плевать, ответственный за Цежу может устроить скандал. Тогда

же к решению проблемы подтянется Игоревич. Без него не обходится ни один вопрос. Стоит им на меня пожаловаться, и мои шансы попасть в Собрание упадут до нуля.

Я встала со стула с мыслью, что моя работа — сплошные убытки. Прямо сейчас у меня умирают нервные клетки, и я всем телом чувствую, что они скоро закончатся. Понимаю, это невозможно, но, может быть...

Перед встречей с Димой я пригладила волосы, натёрла щёки так, чтобы к ним прилила кровь, и потуже затянула ремень джинсов, чтобы казалось, будто у меня в самом деле есть талия. Мне всего-то нужно спуститься на пару этажей ниже, пройти через спортивный зал и бывший бассейн, чтобы попасть в котельную, но я должна оказать хорошее впечатление на тех, кто может там оказаться. Желательно на Игоревича и ещё кого-нибудь из Собрания. Было бы замечательно, если бы они стояли там в ожидании того, кто решит проблему с котельной. Так я была бы им как раз кстати.

В коридорах пусто, один лишь Паст возвращается с улицы. Такой холод, а он ещё тратит силы на то, чтобы покурить и выгулять свих собак. Я прошла мимо, а Паст кивнул мне точно так же, как Движняку утром. Скромно, но достаточно для того, чтобы я поняла, что он меня замечает. Это приятно. На самом деле мало кто в Доме придаёт значение моему присутствию. А большинство детей в свободное время предпочитает делать вид, будто и вовсе меня не знает.

На подходе к котельной тускло светила одинокая лампоч-

ка, а внутри оказалось слишком светло. Я зажмурилась, дала глазам привыкнуть и вдохнула нагретый работой воздух. Всегда бы так, а то в моём кабинете из горячего только комментарии подростков о симпатичных девушках постарше. Мне захотелось лечь на один из котлов и прижаться к нему, но я сдержалась. Если задену что-то не то — останусь без лица. И дело даже не в жаре, Параша сам снимет с меня кожу и станет носить как накидку.

Дима стоял у одного из приборов на стене и что-то внимательно рассматривал. Я видела, как капелька пота стекла по его лбу и затерялась в волосах, смятых кепкой. Мне не нужно думать, что сказать, потому что я здесь не для этого. Просто отдам кружку, пройду под предлогом, будто мне нужно в туалет, и дело с концом.

— Привет, — позвала я его, — держи, это твоё.

— Оставь на столе. — Коротко ответил Дима, не отрываясь от работы.

Я не совсем поняла, какой стол он имеет ввиду, потому что в котельной нет ни одного, поэтому продолжила стоять. Металлическая кружка в моих руках наливалась теплом. Потому что металлы достаточно теплопроводимы, ха-ха. Сама не понимаю, что несу. Главное, что я делаю это с закрытым ртом.

— Чем занят? — спросила я, пытаюсь скрыть неловкость от того, что так и не заметила никакого стола.

— Отключаю отопление.

— Шутишь, что ли?

— Приказ Прапрапорщика. А ему его дал сама понимаешь кто.

Ужас. Кажется, я схожу с ума, и у меня начались слуховые галлюцинации. Отключает отопление? Чтобы все мы околели к чёртовой матери?!

— На обеде он сделает объявление. — Добавил Дима, продолжая что-то крутить.

— Эй, Дымчик, — прокричал Прапра с другого конца котельной, — через десять минут вали обедать!

Я вертела головой как могла, но так и не поняла, где он был. И слышал ли то, о чём мы говорили. И знает ли о моём существовании вообще.

Ясно, прогуляться здесь не удастся. Если Прапра на взводе, лучше не попадаться ему под руку, да и Дима уже выдал мне всё, что только мог. Не пришлось даже просить. Сейчас он намного разговорчивее, чем утром. Может, работа его отрезвила. Или он зашёл в котельную с той ноги.

— Зачем тебе личная кружка в столовой? — поинтересовалась я в надежде, что Дима расскажет что-нибудь ещё.

— Я слежу за тем, что пью. — Ему не пришлось объяснять, что он имеет ввиду. Всё о новогодней ночи. — Делать это намного проще, если самому наливать себе воду. Да и мне сложнее пить алкоголь, когда он налит в мамину кружку.

— У тебя есть мама? — удивилась я так, словно Дима был тем, кто валялся на грядке без подгузника, пока его не нашли

в рядах с капустой. — Я не знала. — Продолжила я. Что я несу? Кажется, перегрелась.

— Была, как и у всех. — Дима усмехнулся, но отвёл взгляд от работы. Выглядеть беззаботным не получалось, а он и не пытался. — До какого-то момента. Даже не помню, до какого.

— Прости, я идиотка. — У меня получилось сказать правду. Хотя какие-то правильные слова за весь день. — Знаю, мало у кого остались живые родственники. И мне жаль, что это так. У меня самой никого нет.

«Кроме дяди Славы», — я не решилась произнести это в слух. Движняк никакой мне не дядя. Мне лишь хочется считать, что всё иначе, потому что я надеюсь на то, что однажды появится кто-то такой же, как Рири, кто сможет принять меня со всеми неприятностями. С моими жалкими попытками прорваться в Собрание и получить признание.

— А я думал, что Слава тебе родной. — Дима пожал плечами, будто это было само собой разумеющимся. Мне захотелось поймать его слова, пока они не растворились в тёплом воздухе, как сахар в воде. Но я не успела, поэтому он добавил: — Думаю, это здорово. Я бы тоже так хотел.

— Сродниться с Движняком?

— Нет. Найти того, кто был бы со мной так же, как Движняк с тобой. — Отвернувшись от работы, Дима посмотрел на меня. Вернее, на кружку в моих руках. — Это важно. Найти того, кто не проходил бы мимо, а останавливался, чтобы

сказать: «эй, привет, я тебя вижу и знаю, что ты жив». Не знаю. Тяжело объяснить.

— Кто живёт в твоём подъезде? — спросила я так, словно моя история могла повториться и у него. — Игоревич и...

— Там точно нет тех, о чьём присутствии я бы хотел знать.
— Перебил меня Дима. Ясно, значит, я начала не с того. Но Помпа отчётливо дала мне понять, что интересуется им.

— Что насчёт Помпы?

— А что с ней?

— Вы могли бы сблизиться. Это, конечно, будет не то же самое, что у меня с Движняком, но она точно не против напоминать тебе, что ты жив. — Язык пересох. Я не привыкла к таким разговорам с кем-то, кроме Рири. Странное чувство, точно тепловой удар.

— Приму к сведению. — Лаконично ответил он и замолчал.

Дима ненадолго притих. Возможно, обдумывал мои слова. Или посчитал, что я чокнутая и несу бред. Мне стоило подумать трижды прежде, чем говорить с ним о маме. И я всё ещё держу его кружку. Дима снова посмотрел на неё прежде, чем сказать:

— Ты приятная, когда не притворяешься, будто тебе есть дело только до работы.

— Но это на самом деле так. — Выдумала я идиотский ответ.

— Ты не всегда говоришь то, что думаешь.

— Я и думаю-то не всегда. — Выпалила я, и мне захотелось врезать себе по лбу.

Нужно срочно ретироваться. Бежать. Я всунула кружку ему в руки и убежала в столовую прежде, чем он успел понять, что я сказала. Нельзя расслабляться, пора взять себя в руки. Чувствую, в этом году я как никогда близка к тому, чтобы стать членом Собрания.

Дима не соврал. Игореви́ч в самом деле рассказал об отключении отопления во всех зданиях, кроме одного. Прапра объяснил, что это поможет справиться с поломкой. Ясно, сегодня спим все вместе. Нужно найти пижаму поприличней и постараться занять место у батареи, но прежде — работа.

Баба Нюня шла по коридору, неся на руках крошку Валенку. На ней красные ползунки и зелёная шапочка, под стать прошедшему Новому году. Даже Валенка наряжена лучше, чем магазин Тёмного. Ему стоит основательно поработать над имиджем, пока Света не распустила о нём слухов похуже. И ведь в них могут поверить.

Я подошла ближе и кивнула бабуле. Она ответила мне тем же, аккуратно придерживая спящую Валенку. Слегка повернув её головку, бабуля дала мне посмотреть на неё. Розовые щёчки, губки сердечком и укрытые веками светло-голубые глаза. Реснички трепещут с каждым её вздохом. Хорошо, что мы успели разобраться со всем до её рождения. Окажись Валенка вне Дома, и мы бы спали в развалинах, лежа на пено-

пласте и укрываясь картоном, а из еды были бы только дикие ягоды. Валенка родилась в лучшее время. Не знаю, правда, где её родители. Если она родилась год и три месяца назад, то и мать с отцом должны быть здесь. Но никто не объявлялся. Наверное, Валенку принесли с очередной вылазки, нашли где-нибудь снаружи. Игоревич наверняка об этом объявлял, просто у меня всё вылетело из головы. И как же, в таком случае, она родилась, если там, за стенами, не должно быть людей? Я всё больше верю в теорию с капустой. Либо так, либо она просто отпочковалась от кого-нибудь из наших.

Отнеся Валенку в кроватку, бабуля оставила Цежу приглядывать за ней. По вечерам я работаю со взрослыми, так и сегодня у меня намечена беседа о новых медикаментах. Старые закончились, а Вера, Антипа и Ждана смогли достать лишь их аналоги. Нужно посмотреть что к чему, и без меня им не обойтись. По большей части потому, что у бабули Ньюни, Ланцета и Скопы зрение ни к чёрту. Такой крохотный шрифт, как в инструкциях к лекарствам, они точно не осилят.

Эти вечера я особенно люблю. Бабуля Ньюня пахнет яблоками и тёплым молоком, Ланцет походит на фармацевта в не особенно опрятном фартуке и с отросшей щетиной, а руки Скопы всегда мягкие. Но и в этом что-то не то. Недостаёт каких-то деталей. Того особенного ощущения, которое сидит в моём солнечном сплетении на протяжении каждого урока.

Может быть, дело в тревоге. Я так и не узнала, кому принадлежит записка с просьбой о помощи. Всё всматриваюсь в почерки среди сданных на проверку тетрадей, но не вижу того, что мне нужен. А он должен быть. Только если это не шутка.

Этой ночью в единственном отапливаемом здании всего три жилых квартиры: Игоревича, Димы и кого-то с фермы. Никак не вспомню их имён, даже одного. Выбора мне не предоставили. Квартира Игоревича быстро забилась, тем более что там уже живёт трое — он, Помпа и Кирка. Я бы и хотела пробиться в неё, но в ней остались члены Собрания и все старики, не считая Прапрапорщика. Всю ночь они с Димой проведут в котельной. И мне бы хотелось их пожалеть, вот только язык не поворачивается.

Мы спим везде, где только можно: в ванной, сидя на унитазе и с подушкой в раковине, на коврик у входной двери, среди вещей шкафа и, так уж вышло, что мне досталось место на кухне. Я у плиты, Тёмный под столом, а Кузик возле двери. Я взяла блокнот на цепочке с собой. Вдруг удастся ненавязчиво подобраться к кому-нибудь особенно сонному и узнать что-то о ребёнке, находящимся в социально опасных условиях. Мне бы следовало составить протокол, но до этого дело дойдёт не скоро. Да и разве этим не должен заниматься социальный работник? Не знаю. У нас недостаёт много каких должностей.

Кузик спит без задних ног, свалившись на живот и закрыв

нас с Тёмным на кухне без возможности выбраться. Холодильник вибрирует, подавая признаки жизни. Всё так, как полагается. Я в приличной пижаме, Кузик в поношенных шортах, а Тёмный в безразмерной футболке, под которой, кажется, даже нет тела. Голова и руки торчат из бездны, которую невозможно разобрать. Жутко.

После рассказа Рири о том, что о Тёмном болтает Света, я пыталась найти в нём то, что вызывало бы подозрения. Живёт один (как и большинство из нас), относится к своей работе по-простому (как и многие), не любит появляться в столовой (как и я). Молчаливый, не любит вечеринки, общается с узким кругом людей, часами сидит за одним делом (чтением) и торчит перед телевизором. Чёрт возьми. Кого-то он мне напоминает.

А Кузику только повод дай — он засыпает сразу же, как его тело принимает горизонтальное положение. Я бы и хотела выйти, чтобы поболтать с Рири, но его тело преграждает путь. Нас не распределяли, мы селились сами, и Рири успела застолбить кровать Димы, а оставшееся в его спальне пространство заняли Эдик, Ригеля и Колен. Не думаю, что моё место худшее из всех, что можно было получить, но хотелось бы чего получше, чем раскладушка у холодильника.

Странно видеть Тёмного где-то вне магазина или столовой, и я совсем не ожидала того, что Кузик напросится спать в одну комнату с ним. Я, конечно, подозревала, что они окажутся близки из-за своего возраста, но не настолько. А, мо-

жет быть, дело в том, что мы с Тёмным ведём себя тише жужжащей под потолком лампочки. Уж кто, а мы с ним наверняка дадим ему выспаться.

Я долго ворочалась, крутила цепочку блокнота и думала о том, что зря его притащила. Наверное, мне вообще не стоит так заморачиваться над такой глупостью. Или нет. Или я совсем чокнулась после урока, сорванного Цежей и Коленом. Точно. На них стоит обратить внимание, и, если в Ригеле я уверена, то в работниках фермы не очень. Без понятия, что там вообще происходит. Может быть, мне нужно заглянуть к ним. Заодно поглажу свинок и восстановлю нервы.

Совсем неслышно Тёмный встал с места. Сел за стол. Я подглядела за ним, приоткрыв один глаз. Он упёрся локтями о столешницу, недолго посмотрел на свои ладони, с пару раз сжал и расслабил пальцы, запустил их в волосы и судорожно задышал, смотря на своё отражение в окне. Его чёрные волосы торчат с той же стороны, с которой виден отпечаток матраса. Яркие красные полосы напоминают раны от ударов плетью.

— Если тебе неудобно, мы можем вынести стол в подъезд.
— Предложила я без сил смотреть на его печальную физиономию. — Не думаю, что Дима будет возражать.

— Ты зовёшь его «Димой»? — удивился Тёмный, словно не ожидая услышать от меня такое. Да что он вообще может обо мне знать? За всё время мы едва ли общались. — Не в этом дело.

Его голос тихий, но в этом нет необходимости. Кузик спит так крепко, что его разбудит бы разве что сигнализация, ревущая из грузовика. Я поняла, что не усну. Возможно, больше никогда в жизни. Стянула с себя одеяло, сняла вторые носки с батареи и пошла к столу. Тёмный не обращал на меня внимания, пока я не села рядом с ним. Он упёрся плечом о стену, поболтал босыми ногами и заломил себе руки. Что с ним, если он не удосужился позаботиться о своей одежде? Я принялась и не почувствовала ни перегара, ни запаха сигарет. Мне стало стыдно. Я либо ошибаюсь, либо очень его недооцениваю.

— Держи ноги в тепле. — Я протянула ему носки, ещё тёплые после батареи.

— Спасибо, Мир. — Он легко принял их и быстро натянул на себя, без конца бормоча: — Тебе незачем торчать здесь со мной.

Ага, конечно. Я не такая заботливая, как он думает. Но на ум пришли другие слова:

— Видимо, есть зачем, раз уж я это делаю. И ты можешь поговорить со мной, если хочешь. Лишним не будет.

Его не пришлось долго уговаривать. Неужели я в самом деле кажусь ему той, с кем можно поболтать ночь на кухне вместо того, чтобы отсыпаться перед рабочим днём?

— В общем. Ну, — Тёмный всё кусал губы, не решаясь сказать, что у него в голове. Но груз был настолько велик, что он уже не мог хранить его в себе. И я не против. В голове

крутится собственная бурда. Очень хочется перебить её чем-то, до чего мне нет дела. — Ну я. — Он покосился на дверь. — Я люблю кое-кого. Безответно. Уже так много лет, что и не сосчитаю.

— О. — Я открыла рот и захлопала глазами, как немая рыба. Как любая из рыб. — Ого.

Мне стало не по себе. Я была готова услышать что угодно, но не это. Может быть, надеялась, что Тёмный сболтнёт что-то лишнее о себе или магазине, чтобы мне было за что зацепиться при поиске автора записки. Ровный ряд букв стоял перед глазами. Если в нашем Доме и затевается что-то подозрительное, Тёмный должен быть в этом замешан. Света, конечно, почти всегда несёт бред, но в её словах есть доля правды.

— Прости. — Сказал Тёмный через время. Я слишком долго молчала. Отвлеклась от того, чем он хотел со мной поделиться, потому что считаю его подозрительным типом.

— Эй, — руками сжав его ладонь, я сложила их на столе. Тёмный уставился на меня... нет, посмотрел с той нежностью, которую я раньше не видела. — Всё в порядке, ты можешь рассказать мне.

— Ну, — у него сбилось дыхание, загорелись щёки. Он снова посмотрел на дверь. Сжал мою ладонь. Тёмный ужасно боится, что об этом узнает кто-то, кроме меня. — Он, этот человек, не знаком со мной, хотя мы общаемся уже много лет. Ну, видимо, только я так считаю. И мы почти не разго-

вариваем, будто в этом году что-то изменилось. Не знаю что, но я здесь один, уже очень долго.

— Это не так. — Я покрепче сжала его руку. — Ты не один, у тебя есть Кузик. Вы друзья, он точно тебя поддержит.

— Нет. Он не поймёт. — Тёмный отвёл взгляд, и я заметила, как уголки его губ потянулись вниз. Он плачет, но слёз не видно. — Мы не можем быть вместе. Нас никто не примет, а он не поймёт меня. Я плохой человек, но об этом никто не знает.

Меня затошнило. Внутри всё зажужжало в такт гудящему холодильнику. Я захотела засунуть голову в духовку и включить газ.

— Даже не знаю, чем помочь. — Мне пришлось заткнуться. Срочно.

Не могла я сказать, что чувствую то же самое. Чёрт возьми, да что вообще творится у меня в голове? В ней слишком пусто. Нужно сходить ко врачу и попросить успокоительные. А ещё уточнить про временную амнезию из-за стресса или палёного алкоголя. В моей памяти есть что-то ещё. Какие-то мелочи.

— Кого ты любишь? Только не говори, что меня. — Я вспомнила наш последний разговор в магазине. Шутки шутками, но под ними он мог иметь ввиду всё, что угодно.

— Ты с ума сошла? Конечно же нет. — Ответил Тёмный. А я, чёрт возьми, разочаровалась. В нас обоих. — Но ты мой любимый постоянный покупатель. Хотя все здесь мои веч-

ные гости. — Тёмный улыбнулся, словно имел ввиду совсем другое.

Не понимаю, в чём дело, но сейчас я не хочу ничего другого, кроме как вцепиться в него обеими руками, прижать к себе и уснуть так, как если бы он был частью моей семьи. Настоящей семьи, а не того подобия, которое мы пытаемся играть в Доме. Младший брат с дурацкими футболками, странными журналами и кривой улыбкой. А ещё зависимостью, о которой все знают. Возможно, он и сейчас что-то выкурил, поэтому его потянуло на откровения. Или всё это уловка, на которую я попалась потому, что он... даже не знаю. Без понятия, что это, но кажется, будто когда-то мы были намного ближе, чем сейчас. И тогда нам было явно лучше.

— Я трезв. — Тёмный понял, о чём мои мысли, и я почувствовала, как его пальцы зашевелились в моих ладонях. — Вот, смотри. — Он задрал рукава и показал чистые руки. — И глаза, видишь? — раскрыв веки пальцами, Тёмный приблизил ко мне лицо. Зрачки большие. И я уже не уверена почему.

Мы сидим в полумраке, светит лишь школа прямо напротив окна, но все давно знают, что Тёмный балуется запрещёнкой, которую берёт у Жданы. Она притаскивает с вылазок многое из того, что не входит в список.

Про Тёмного всё известно. Я знаю, потому что это знают все. Но вдруг это лишь мнение, произнесённое наподобие факта?

— Мир, ты мне веришь?

Я почти задохнулась. Дежавю. Когда-то всё это уже было, но я не уверена в том, что не сплю. Так поздно, что голова не соображает, но мне нужно что-то ответить, а его взгляд прожигает меня насквозь. Тёмный уверен в чём-то, о чём я не имею и понятия.

Открыла рот, одумалась, поджала губы. Не знаю. Это честный ответ, но мне стоит солгать на случай, если когда-нибудь этот разговор выплывет за пределы кухни. «Я тебе не верю» — вот что я должна думать, если хочу, чтобы остальные не сомневались в том, что я не собираюсь и приближаться к человеку, в свободное время совращающему детей. «Конечно верю» — и Тёмный сможет однажды открыться мне настолько, чтобы я узнала правду о том, что происходит в магазине; почему Помпа плакала в его туалете.

— Не знаю. — Вырвалось у меня само собой.

И я уснула с мыслью, что мне будет его не хватать. Что всё это время мне очень не хватало Тёмы, который теперь ютится под столом и притворяется спящим, пока я вслушиваюсь в его всхлипы и пытаюсь понять, стоит ли мне к нему приближаться.

Глава 23

— Скука смертная. — Промычала Белла, кладя руку на мой стакан. — Конечно, очень мило, что мы все тут собрались, но я уже не знаю, о чём с вами говорить.

— Ну класс, — Рири закатила глаза и приняла обиженный вид. Чтобы подсластить пилюлю Белла чмокнула её в щёку, но не стала оправдываться.

— Это так. Мы видимся каждый день минимум по три раза. — Объяснила я, не возражая против того, что она пьёт то, чем мне ещё предстоит чокаться.

Движняк только вздыхал, поглядывая то на нас, то на Ригелю, дожёвывающую последнюю порцию закусок. До боя курантов употреблять спиртное запрещено, поэтому за него отдувались хлеб, сыр и оливки на шпажках. Как по мне, лучше бы мы нам достались салаты, но Рири не успела их утащить, а Паст сказал, что канапе намного вкуснее, ведь его делал он, а не Эдик. Сколько ни дружи с племянницей главного повара, это не принесёт никаких плюшек, хотя должно бы.

К нам пытался подсесть Кузик, но Белла выпнула его с нашей скамьи, потому что он не помогал ей украшать столовую, и из-за этого ей пришлось подключить к делу Свету. Она справлялась с трудом, но в её положении было не выбирать. Да и в моём тоже, так что я притащила с собой Тёму,

пускай он и брыкался. Мишура на окнах висела криво, но мы сделали всё, что могли. Вернее, это мы трое корячились с ёлкой, пока Белла в одиночку занималась всем остальным. Дождик у окон, снежинки из бумаги, наклепленные на стены её лёгкой рукой. Симпатично, пускай Игоревич и ожидал другого. Ну да кто его вообще спрашивает...

— Эй, Белка-побелка. — Позвал Кузик слишком громким шёпотом. Его слышали все, и за это Тёма двинул в его бок локтем. — Белл, — продолжил он, поморщившись. — Ну прости меня, я придурок.

— Если бы за отказ в участии в общественно полезной работе было наказание, тебя бы давно пришили. — Прошипела она, надеясь, что у него хватит ума отстать от неё.

— Ага, и наказанием была бы та же самая работа. — Изрёк из себя Кузик. Дымчик уже было начал смеяться, но передумал, встретившись со мной взглядом. Они оба просто идиоты. — Ну камон, я же серьёзно. Прости меня за всё.

— За что это «всё»? — сдалась Белла, снизойдя до разговора с ним. Мы с Рири переглянулись с единственной мыслью: «она безнадёжна».

— За весь год, который ты пробыла со мной вместо того, чтобы вложить своё драгоценное время в кого-то более толкового.

— Говоришь заученными фразами. Тебе текст Тёма писал?

— Ага, куда ж я без него. — С сарказмом произнёс Кузик,

хотя это была правда.

Им пришлось замолчать, когда в дверях появилась фигура Игоревича. Только силуэт, не слишком отчётливо подсвеченный тусклым светом гирлянд. У меня начало рябить в глазах, а вот Рири выглядела довольной, а мне и этого было достаточно. Белла же упорно вредничала. Ей никогда не нравилось управление Игоревича, но сейчас она была напряженной обычного. Лицо белое, и без намёка на то, что в её теле ещё есть кровь, а глаза сухие, едва ли не багровые в переключившимся режиме гирлянд.

Я была не слишком-то внимательна к людям, но о каждом ходили свои мнения. О Белле говорили, что она изменилась. Исхудала, что противопоставлено ей по долгу службы, и поэтому стала хуже работать. Может быть, причина была другой, вот только мы этого так и не узнали, потому что она постоянно молчала. Иногда из неё было не выдавить ни слова, даже если жали и я, и Рири, да ещё с помощью Кузика. Так и тогда Белла только смотрела, упорно игнорируя тот факт, что сегодня праздник, и быть недовольной просто неприлично. Да и мы с Рири были там не просто так.

Игоревич неспеша вышел вперёд, и Помпа переключила музыку на ту, что должна играть во время боя курантов. Всё было просчитано до доли секунды, каждый шаг выверен по линейке. Пиджак сидел чётко по плечам и талии, рубашка белоснежнее кожи мертвеца, а волосы зачёсаны наверх и выглядят, словно пластиковые с головы манекена. Каждый из

нас сидел со своим стаканом, все полны, без единого скола, как и тот, что в руке Игоревича. Наступило время тоста, и он в центре столовой смотрел на всех и ни на кого одновременно. Поражающий педантизм. Хотя, штаны слегка простоваты, но ведь Игоревич был таким же человеком, как и мы, незастрахованным от ошибок.

Повертев свой стакан, я заметила, что он не полон. Белла уже отпила из него. Небольшое несоответствие, но кому какое дело, если пили мы просто воду. В тот год Вова попросил меня выдвинуть на Собрании его просьбу: заменить воду на чай или сок, кому что по вкусу, но передумал сразу же, как мы обсудили эту идею. В самом деле, как можно предпочесть вкусовщину тому, что едино для всех нас? Может быть, изначально в этот жест не было вложено столько смысла, но теперь он был. Мы с Вовой считали так, а он всегда был одним из самых преданных Дому людей. Иногда даже я не понимала его тезисов, хотя попасть в Собрание всегда стремилась я.

Сначала Игоревич скажет речь, а затем попросит членов Собрания встать ради тоста, после которого мы выпьем и наконец вспомним, что каждый из нас член одной семьи. Не огромной, но и не слишком маленькой; нас достаточно, чтобы без потерь поддерживать жизнедеятельность каждого. Тепло, еда, вода, электричество, крыша над головой, медицина, своё дело и безопасность. О, её особенно много.

Кто станет вредить другому, если все сорок человек точно знают о повинных в мусоре на улице? Обычно ими ока-

зывались Кузик с Тёмой, и после они часами отработывали свои промахи, занимаясь общественными работами. Наказание слишком суровое, но Тёма сам просил меня давать им с Кузиком больше времени вместе, а я никогда не могла ему отказать, и для такого эффекта ему даже не нужно было использовать свои щенячьи глазки. В то время я отвечала за исправление наших правонарушителей, так что часов у них было сполна. И, по секрету, я знала, что Тёма мусорил специально. Иначе Кузик проводил все выходные с Беллой, забывая о том, что у него есть друзья. И ещё по секрету: я знала, что они оба пакостили нарочно. Зато после них улицы всегда были чистыми.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, Игоревич начал рассказ. Все слушали с вниманием, и даже дети — итоги года как никак. Я обернулась на них, чтобы убедиться, что Цежа с Коленом снова не сцепятся, и встретила глазами с Киркой. С его большими, хорошо знакомыми мне глазами. Когда он смеялся, всегда закрывал их, а если боялся, то не мог отвести взгляда от того, что перед ним.

Тогда он смотрел на Игоревича не отрываясь.

Глава 4

Спать в квартире Димы оказалось не просто. Когда Тёма замолчал, я почувствовала, как толстые стены давят на меня каждым железобетонным блоком. Как если бы Дима нарочно сдвигал их на сантиметр ближе ко мне, когда я моргала. А всё для того, чтобы в конце концов прижать меня к стене и спросить, что я скрываю. Ничего! В самом деле ничего. В голове пусто, ни намёка. Только сырая коробка, в которой лежит мозг, так и не сумевший отдохнуть за ночь. Но было тепло. Батарея грела достаточно сильно, чтобы мои ноги не замерзали, даже если я доставала их из-под одеяла.

Я долго блефовала, упорно лежала с закрытыми глазами и пыталась убедить себя, что сплю, а то, что мелькает перед глазами — сон, а не бред от нервного срыва после уроков. В самом деле, я давно научилась справляться с ними. Да, непросто, но я уже не могу отказаться от своих учеников. Без понятия, как это работает. Может быть, ночью стены сжимали меня так сильно, что мозг деформировался, и я стала осознавать больше, чем хотелось бы.

Кузик ещё спал, а Тёма рылся в холодильнике Димы с такой простотой, как если бы они были близкими друзьями. Возможно, так оно и есть. Я мало что о них знаю.

Зачем-то я сделала вид, будто меня разбудила дверца холодильника, аккуратно хлопнувшаяся прямо над моей го-

ловой. И я не учла, что Тёме станет стыдно за это.

— Прости. — Прошептал он так же тихо, как и ночью.

— Хватит извинений, они тебе не к лицу. — Я встала и кое-как подавила в себе желание потянуться. Всё-таки, я не у себя. Нужно хотя бы делать вид, что я сохраняю лицо. И задирать футболку, чтобы почесать живот, тоже не стоит.

Тёма занял прежнее место за столом, покрутил в руках банку газировки, но так и не открыл её. Я смотрела на его ноги в моих носках и вспоминала наш разговор. Тёма говорил о тех откровениях, которые обычно замалчивают. И, либо он удивительно искренний человек, либо все мы давно зачерствели. Скорее всего второе. Я и сама не решаюсь лишней раз раскрыть рта перед кем-то, кроме Рири. Да и где она, чёрт возьми? Почему часы показывают без пяти минут семь, а она так и не снесла дверь, чтобы увидеться со мной?

Пока спокойно, но скоро прозвенят будильники. Этой тишиной нужно воспользоваться. Если Тёма будет знать о блокноте, это не станет концом света. Ему всё равно никто не поверит. Это безопасно, я просчитала все риски. А я отлично считаю, и не только потому, что преподаю математику.

Я выползла из-под одеяла, поморщилась из-за холодного пола и прокляла Диму за то, что он не постелил ковры. Мне бы вторые носки, но я не стану отнимать их у Тёмы. Как-то неудобно. Да и, если он скажет мне что-нибудь толковое о блокноте, это можно считать неплохой платой за информацию. Не хочу быть в долгу перед кем-то.

— А ты, случаем, ничего об этом не знаешь? — я расстегнула цепочку и сняла с шеи блокнот.

Тёма оставил свою запечатанную газировку, просто пролистал страницы и остановился на нужной. И почему только он такой беззаботный? Даже не задумался перед тем, как взять от меня странный самодельный блокнот, явно склеенный вручную. И запись в нём совсем его не насторожила.

— Нет. Попробуй спросить у Светы.

— Уже пробовала, — мне пришлось соврать, — там пусто. Я уверена только в том, что это писал взрослый по просьбе ребёнка.

— Ну, тогда я бы предложил тебе поспрашивать о детях у Мирославы Руслановны. — Тёма выдохнул без улыбки. — Но вы, скорее всего, не поладите. По крайней мере, не сейчас.

Понятно, что ничего не понятно. Я прикрыла глаза и поджала губы, пытаюсь не усмехнуться ему прямо в лицо. Ладно, кажется, дело дрянь. Ночь прошла бесполезно. От этих разговоров никакого толку.

В соседней комнате зазвенел будильник, и Кузик лениво заворочался у двери. Я открыла газировку и протянула Тёме, чтобы не смотреть на его нерешительные попытки справиться с ней. Пузырьки газа тихо шипели, но он не притрагивался к ним, упорно смотря на жестянку. Самая обычная, не знаю, что с ней может быть не так. Да и все продукты, оказывающиеся в наших холодильниках, когда-то были в его

магазине, так что уж кто, а Тёма должен понимать — с газировкой всё в порядке. Или не совсем. Возможно, проблема в том, что он не мог повернуть ушко и откупорить банку сам, без меня.

Мы переглянулись, и я поняла, что между нами повисло немое обещание молчать. Всё, что случилось на этой кухне, останется в секрете: его безответная влюблённость, мой тревожный блокнот. А ещё то, что Кузик пыхтит во сне, как двигатель его грузовика, когда он плохо с ним обращается.

Кто-то мялся по ту сторону двери, но его опередила Рири, резко распахнув её и треснув Кузика по голове. Он тут же вскочил, да с такой невинной миной, словно ничего не случилось. Видимо, ему не впервой просыпаться от удара в затылок.

— Боже, сколько я спал? — прохрипел он, хватаясь за спину.

— Больше положенного. Как и всегда. — Ответил Дима, вошедший следом за Рири. Вдруг на кухне совсем не осталось места.

— Спасибо за гостеприимство, братан. — Выходя в коридор, Кузик шлёпнул Диму по заднице. — Пол у тебя просто отменный. Поприятнее, чем у меня в кузове.

— Всё, что угодно, лучше твоего кузова. — Улыбнулся Тёма, потопав следом за ним.

— Раньше ты не жаловался.

— Потому что уже поверил, что у тебя нет другой кровати.

Просто не хотел тебя расстраивать.

— Сколько же от них шума. — Цокнул Дима, закрыл за ними дверь и упал за стол. Он уже было хотел допить газировку Тёмы, но остановился как раз перед тем, как я вспомнила, что ему приспичило следить за тем, что попадает ему в рот. Решил сесть на диету или просто выделяется? — Я за всю ночь ни разу не присел. Мы с Прапра и Игоревичем всё гадали, что за хрень с отоплением, а оказалось, что там лопнул один из болтов сзади щитка, отскочил в провода и сбил всё к чертям.

— Ну и, — я думала спросить, справились ли они с поломкой, но вовремя остановилась. Если сразу скажу о работе, Дима станет беситься хуже вчерашнего. — Как дела?

— Отличное начало. — Он посмеялся, и Рири едва не отвесила ему подзатыльник. Встав за его спиной, она принялась передразнивать его, кривляясь при каждом слове так, словно у неё опух язык. Я рассказала ей о том случае за завтраком, и теперь при виде Димы она дышала огнём. — Дела просто отлично: в моей квартире дрыхло десять человек, холодильник обнесли, в раковине клок чьих-то волос и кто-то высморкался прямо в простыню. У меня уже есть подозрения, кто это был, так что, Мир, отомсти за меня Коле смачной двоечкой. И я про оценку в журнале, если что. — Я проглотила смешок и коротко кивнула. — А ты, Рит, надеюсь, не сильно привыкла к моей кровати, — он поднял к ней глаза и заметил, какое глупое у неё выражение лица. — Потому

что сегодня вы спите у себя.

— Хвала небесам. — Она благодарно похлопала его по плечу, на мгновение забыв, как он ей не нравится. — То есть, неплохая работа. Нам стоит похвалить вас троих.

— Не стоит, но мы устали, как собаки Паши. Если они вообще устают.

— Устают конечно. — Ответила Рири. — От его безграничной любви.

— Пора собираться. — Напомнила я, встав, чтобы пойти за курткой. — Ты молодец, Дим.

— Спасибо за гостеприимство, братан! — повторила Рири за Кузиком. Её улыбка пропала тут же, как она пересеклась со мной взглядом. Я не осуждала, но точно выглядела недовольной после бессонной ночи. — То есть, кровать у тебя неудобная. Тебе стоит что-нибудь с этим сделать.

Возможно, я сумасшедшая, но первое, что пришло мне в голову, когда я наконец добралась до дома — разложить на каждой из батарей столько пар носков, сколько на них вместится. Это моя отдушина. Ещё бы как-то греть обувь изнутри, и тогда мир запоёт новыми красками.

Я решила пропустить завтрак и вот уже как полчаса сидела на своей кровати, упорно борясь с желанием проспаться. Но так нельзя. Тяжёлый вздох. Ещё один. Я вышла на кухню, чтобы заварить кофе, и мешала сахар в чашке так упорно, что едва не протёрла в ней дыру. Пришлось поста-

раться, чтобы собрать мысли в кучу, но тщетно. Я поскользнулась на небольшой лужице под раковиной. Чёртовы полы.

Пришлось заглянуть в тумбу. Протечки нет. Тогда в чём дело? Я не пользовалась краном почти сутки, но он умудрился накапать на мой линолеум в единственном месте, до которого не дотягивается ковёр. Подстава. Если бы это я пролила воду, то она бы уже высохла, так? О, нет-нет, я, наверное, просто свихнулась. Так мне и надо. В следующий раз буду думать прежде, чем не спать перед работой.

В душе я была вчера вечером, но на кухне так душно, что я пропотела насквозь. И волосы в пучке слиплись, будто я не приближалась к ванной с прошлого года. Пришлось быстро смочиться и набрызгаться дезодорантом, но у меня это не получилось. Там, сверху, можно повернуть крышечку для того, чтобы открыть или закрыть поток содержимого. Я никогда его не закрывала. Теперь же он едва нажимался из-за того, что некто с силой вкрутил крышку в другую сторону.

Кажется, меня разыгрывают. Две пары моих носков перепутаны, а из ящика с полотенцами выглядывает уголок. Кастрюля стояла ручкой к плите — это я знала, потому что раньше всегда упиралась в неё животом и, когда мне это надоело, стала отворачивать её. Теперь ручка торчит, указывая на стол. На нём немного крошек и подпалённый кончик, который теперь кто-то подрал. Стоп, слишком светло. Жалюзи приоткрыты, а за ними здание, в котором все наши провели последнюю ночь.

Ладно, мне не показалось. Не показалось! Этой ночью кто-то обшаривал мою квартиру, и сделал это достаточно незаметно, чтобы я почувствовала себя чокнутой. Словно во сне мне укоротили одну ногу и теперь я хромала и обходила саму себя по кругу. Мне вспомнилась одна из фраз Движняка: «это какая-то дурка». В самом деле. Я и есть дурка.

Одно я знаю точно — никто из тех, кто спал в квартире Димы, не выходил на улицу, иначе я бы это услышала. Значит, можно откинуть Рири, Тёму, Кузика, Эдика, Ригелю, Колена, Ждану, Скопу и Бирку.

Не думаю, что это кто-то из пожилых, да и дети не смогли бы обворовать меня так аккуратно, чтобы я не заметила, что что-то пропало. Может быть, тот, кто был здесь, не нашёл того, что ему нужно. А я не знаю его мотива. Один из родителей решил поискать у меня журнал, чтобы исправить оценку своему ребёнку? Но кто бы вообще додумался идти за ним ко мне домой, а не в школьный кабинет? Я всё-таки чокнулась. На этот раз окончательно.

Мне срочно нужно поговорить с Рири и удостовериться в том, что с моим мозгом всё в порядке, и мне не мерещится, будто кто-то обшарил мой дом. Без шума и насильственного проникновения. Дверь цела, замок не меняли, да и кто бы смог это сделать, кроме Ригели? А она храпела в одной комнате с Рири. Да, точно. Я должна как можно скорее увидеться с ней и решить, действительно ли мне пора пойти на ферму чтобы погладить свинок под успокоительными. Одна

таблетка для меня, другая для свиноушки.

Не помню, как отвела уроки, но сразу после я побежала на рынок. Короткий путь затягивали кусты, и я уже не уверена, существовало ли время, когда их высота была меньше трёх метров. Нужно спешить, но я не рискнула туда сунуться. Я ещё не настолько отчаялась. Ну, или сошла сума до такой степени, что спешить стало некуда.

Сапоги скользили, я несколько раз чуть не свернула шею, и всё закончилось тем, что я врезалась в забор, заваленный снегом. Шапка съехала на глаза, я не видела ничего дальше собственного носа, и теперь лежу на идеально гладком льду, медленно катясь по склону в сторону рынка. Не знаю, что происходит у меня в голове, но я ничего не чувствую. Совершенно. Разве что твёрдую, чистую от снега поверхность и колющий щёки ветер.

Меня окликнули, но я сделала вид, что не услышала. И в этом есть доля правды — я не понимаю, где нахожусь. Мне не по себе. Кто-то совершил преступление, за которое ещё не придумали наказания, потому что раньше такого не происходило. Я знаю, что за громкую музыку наказывают двумя часами общественных работ. Света часто вляпывается в такие ситуации, и я бы не сказала, что случайно. Всё-таки, её парень ужасно чистит снег. Вместе они справляются лучше, да и так у них появляется больше времени друг с другом. А ещё за прогул работы и низкое качество труда могут лишить зарплаты на целый месяц, поэтому парню Светы почти

не платят. На этом, пожалуй, всё. На другие ошибки мы и не рассчитываем, но кто-то проник в мою квартиру, и я не знаю, смогу ли почувствовать себя в безопасности хоть где-то. Как тот человек вообще смог на это решиться? Мы семья. Мы должны быть семьёй.

— Мы должны быть семьёй. — Повторила я, как думала, про себя. Но я промахнулась.

— Кто? — уточнил Дима. Его голос звенел у меня в ушах как трескающееся стекло. — Мы с тобой? Спасибо за предложение, но я, пожалуй, откажусь.

Дима помогал мне встать, но я противилась. На мгновение я поверила, что лучшим решением будет остаться здесь и умереть от холода. Потому что я не уверена, могу ли рассказать кому-то о том, что случилось. И стоит ли впутывать в это Рири.

Нас сорок человек, мы отрезаны от внешнего мира стенами, за которые нам не стоит заглядывать, а кто-то из наших забрался в мою квартиру, хотя кругом полно свободных гораздо лучше моей! Да и что он искал? Если так приспичило найти какую-то редкость, можно попросить Ждану принести что-нибудь этакое. Всем давно известно, что она достаёт контрабанду, Тёма употребляет, Паст безобразно подаёт самые вкусные блюда, Ригеля матерится на детских площадках, а Света распускает слухи.

— Я думала, что мы всё друг про друга знаем. — Сказала я, и снова вслух.

— С чего бы? — Дима ещё раз попытался меня поднять.

— Знаешь ли ты кого-то из нас достаточно близко, чтобы понимать, что у него на уме? Кроме Риты, конечно же.

— Мог и не уточнять. Я как раз не верю никому, кроме неё.

— И даже мне?

— Почему «даже»? — я опёрлась на его руку, и в итоге мы оба повалились на лёд. Я отшибла себе поясницу и остатки мозгов, а Дима, судя по всему, задницу. — Тебе я не верю в первую очередь.

— Почему? — спросил он, и я почувствовала его дыхание на своей щеке.

Дорога шла с горы, и мы неспеша катились в сторону рынка. Хорошо, что на улице никого нет. Даже детей. Это странно. Остальные ещё работают, а с ними что?

— Проблема в той ночи? — продолжил вопросы Дима. — Когда мы с тобой...

— Мы с тобой, — перебила я его, — как и полагается хорошим товарищам, позаботились о Кирке. Уснули в процессе. Наверное, ему было страшно, поэтому...

— Ты тоже ничего не помнишь? — он оборвал меня в ответ. И не так грубо, как в столовой. Вроде бы. Я не уверена в том, что слышу то, что происходит на самом деле. — Нужно что-то с этим делать.

— Мы с тобой, — мне пришлось повториться. Другие слова не шли в голову. Из-за того, что в ней активно копался

Дима. — Ничего делать не будем. Я иду к Рири. Если я чем-то и займусь, то только с ней.

— Ага, поздравляю, вот только я тоже иду к ней.

— Зачем ещё? — я насторожилась и приподнялась на локтях, чтобы заглянуть в его лицо. Из-за морозов эта дорога превратилась в отличную горку. Не знаю, почему дети не пользуются ею, пока есть возможность. Где они пропадают?

— У неё Эдик, а он задолжал нам с Кузиком по пачке чипсов. Я припашу его к делу, будет убирать мою квартиру после вашей пижамной вечеринки.

— Спасибо за такое подробное объяснение, оно было как раз кстати. — Шёпотом проговорила я, но слишком поздно заметила, что Дима услышал мой сарказм. Он улыбнулся, а я ударила себя по лбу и снова шлёпнулась на лёд. Мне нельзя вести себя *так*.

— Кажется, вы встали на скользкую дорожку. — Посмеялся кто-то у меня за спиной.

Я запрокинула голову, чтобы понять, сколько сильно должна быть смущена, и заметила одного из парней с фермы. По-моему, его зовут Овчик. Уверенности в этом ноль, мы никогда не пересекались вне столовой, но я помню его по веснушчатому лицу и тёмным волосам. Такое сочетание не часто встретишь. Хотя среди нас выбор ограничен настолько, что кроме Колена и Цежи никого похожего и нет. Окажись мы в большом мире, давно бы затерялись.

— О, привет, Вовчик. — Поздоровался Дима, протянув

ему руку для рукопожатия. — Хочешь с нами? — Овчик кивнул, и Дима затащил его на лёд. Ну всё, это конец. Теперь мы трое скользим по бесконечно длинному коридору.

Надеюсь, где-то там есть обрыв. Я уже не выдерживаю.

— Очень жаль, но я должна идти. — Мне снова не повезло встать. Чёрт.

— Давай помогу. — Овчик попытался сместить меня со льда, но у него ничего не вышло.

Наши ноги перепутались, и я чуть не выбила ему зуб, пока пыталась себе помочь. Провал. Очередной. Он надул губы, притворяясь обиженным, и поморщил нос. Наверное, на ферме он кривляется так же, когда чует, как пахнет скот. Я вспомнила, что не помыла голову, а волосы наверняка напитались запахом кухни Димы. Стыд то какой.

Руки Овчика оказались достаточно длинными, чтобы вытолкнуть меня вперёд. Его ладони на моей пояснице. Зашибись. По крайней мере, теперь моё положение лучше. Я могу не видеть их лиц и катиться себе дальше, может быть, даже не чувствуя себя такой опозоренной. Только бы нас никто не увидел...

Легко притвориться, будто я здесь одна, но мне слышится шёпот:

— Что это с ней? — поинтересовался Овчик так, словно бы в самом деле за меня беспокоился.

— Плохая ночь. Спала сегодня у меня. — Просто пояснил Дима, и мне захотелось заткнуть его. Он точно издевался на-

до мной, говоря обо всём *так*.

— Жаль. Я надеялся, что мы окажемся в одной квартире.

— Хотел вместо колыбельной послушать её лекции?

— Типа того.

— Не стоит, скука смертная.

— А ты что, их уже слушал?

— Можно сказать и так.

Сукин сын. Диме повезло, что я не могу развернуться к нему, иначе он уже оказался бы закатан в этот лёд, как в ковёр. Вот уж кому, а ему точно стоит хоть раз побывать выше первого этажа школы, чтобы вспомнить, как звучит голос разума, но дальше подвала и столовой Дима не заходит. Если бы он посмотрел на учебник, это уже бы ему помогло. Но, конечно, зачем ему это. Они со Светой стали бы отличной парой — оба любят болтать глупости — но в её словах есть хотя бы доля правды, а Дима никак не может запомнить, что первого января я проснулась рядом с ним не по своей воле!

— Она тебе нравится? — спросил Дима нарочно громким шёпотом.

— Не уверен, я же совсем её не знаю. — Ответил Овчик уже тише. — Она не появляется на ферме, а я не часто захожу в центр. Но в столовой у меня не выходит от неё оторваться.

— Это потому, что она очень аппетитно ест. Там, знаешь, весь подбородок в слюнях и крошках.

— Звучит так, будто ты сам втрескался в неё и пытаешься

меня отпугнуть.

Я хмыкнула и тут же зажала рот варежкой. Да что это со мной? Кажется, я посреди бела дня неторопливо качусь по льду в сторону рынка с двумя идиотами и улыбаюсь, как дура. Вот так попадание, и ведь они оба раздражают меня не хуже Цежи и Колена.

Мы не могли выбраться из западни, пока я наконец не придумала, как нас вытащить. Подкараулив достаточно большой сугроб, я приподнялась на коленях и попросила Овчика со всей силы швырнуть меня в его сторону. Не получилось — мы снова свалились в одну кучу и лежали так, ожидая, пока Дима нас развяжет. Он нехотя нам помог, и тогда Овчик пропищал что-то о предмете, завалявшемся в его кармане. Я утопала в капюшоне и не могла разобрать ни слова, пока не увидела сложенную пополам рукоять. Отлично, нож! Надеюсь, сейчас кто-нибудь из них меня прикончит, у нас ведь теперь вообще всё можно. Ха-ха.

— В чём дело? — Овчик услышал мой нервный смешок.

— Не обращай внимания, она всегда такая, когда не выспится. — Объяснил Дима. Придурок. Куда он вечно лезет, если его никто не просит?

Не успела я рассердиться, как Овчик с размаху всадил нож в лёд. Он остановился, а до меня долетела мелкая белая крошка. Дима вцепился в ногу Овчика и чуть не стянул с него ботинок, а я взялась за голень Димы. Ему тут же приспичило начать вертеться. Раскачав меня, Дима дал мне шанс

ухватиться за бордюр. Мои варежки тут же прилипли к нему. Кое-как подтянувшись, я сползла со льда и помогла Диме с Вовчиком оказаться в снегу. Пришлось изрядно попотеть.

Приятное ощущение. Мы лежим все красные, со съехавшими шапками и растрепавшимися волосами. Дима похож на седого Альберта Эйнштейна, а Овчик кажется самым чудесным парнем из всех, кого я знала. Если бы он не пришёл, я застряла бы здесь ещё на час, но теперь во мне ещё теплится вера в остатки человечества. Не все из наших такие, как тот, кто пробрался в мою квартиру. Есть ещё, по крайней мере, Рири, Овчик и, может быть, Тёмный, если слухи о нём лгут.

Признаюсь, мне полегчало. Неплохо иногда проветрить голову и провести время с кем-то, кроме Рири. Настолько неплохо, что я бы согласилась повторить. Примерно через год, не раньше. Сейчас бы тишины и тёплых носков. Лучше поскорее дойти до Рири.

Я поднялась, коротко поблагодарила Овчика и получила от него скромную улыбку. Пришлось сбежать прежде, чем мне понравилось довольное выражение его лица. А Дима всё плетётся следом. В этот раз молча. Спасибо и на том.

По рынку бродит несколько человек, но в основном народ всё ещё на работе. Я поулыбалась Ригеле, Движняку и Антипе, прохаживающейся мимо лавочек, и наконец заскочила к Рири. Дима, конечно, сразу за мной.

Колокольчик над дверью звякнул, но Рири не спешила отрываться от работы. Эд что-то рассказывал ей о её дяде ти-

хим, убаюкивающим голосом, и я уже решила, что он играет для неё роль белого шума, пока не заметила, но она умудряется ему отвечать.

Пришлось подождать — Рири не остановится, пока не закончит с шитьём — и я заняла своё место на огромном мешке с образцами кожи. Дима сел рядом со мной; ему достался тот, в котором лежали резиновые подошвы. Он слушал бормотание Эдика, а я и не пыталась вникать в разговор. Поглубже зарылась в капюшон, скрестила руки на груди и попробовала расслабиться. В углу с мешками темно, и я понадеялась, что меня разморит. Какой бы занозой в заднице ни был Дима, в одном он оказался прав: я ни черта не спала этой ночью. Лучше успеть наверстать упущенное перед вечерней встречей с Ланцетом, Скопой и бабой Ньюней. У нас остался ещё целый ящик лекарств с инструкциями, напечатанными крошечным почерком на километрах узкой бумаги.

Здесь Рири, так что всё в порядке. Правда, я отчётливо слышу чужое дыхание прямо у себя под боком и запах, который встречается только в столовой. Не очень-то удобно, но я не знаю, куда ещё мне идти. В моей квартире небезопасно. Может, мне переехать в школьный кабинет? Буду спать за последними партами, всё равно мы ими не пользуемся.

Я держу глаза закрытыми, остро чувствую усталость, и всё равно не могу уснуть. Может, в этом и есть проблема. Нужно просто поспать, и тогда мне перестанет мерещиться, что кому-то из наших не стоит доверять.

Как только Рири перестала возиться с новым ботинком, она наконец обратила на нас с Димой внимание. Стоило ей посмотреть на меня, как всё само собой пришло к тому, что Эдик с Димой оказались за дверью. Даже не удосужившись помахать им на прощание, Рири заперла дверь, стащила меня с мешка и усадила на стул перед собой. Я сняла капюшон, расстегнула куртку и кое-как поправила шапку. Нервно, пускай во мне и есть уверенность в Рири.

— Этот разговор должен остаться между нами. — Предупредила я сразу.

— Конечно, как и все остальные. — Согласно кивнула Рири.

— Нет, ты не понимаешь. — Я продолжила настаивать. — Никому нельзя знать, что мы говорили об этом.

— Но Эдик с Димой точно в курсе, что у нас с тобой есть секреты.

— И плевать на них. Пусть хоть заобсуждаются, к ним никто не прислушается.

— Хорошо, я поняла.

Рири взяла меня за руку, и я смягчилась. Всё достаточно просто: если я слечу с катушек, то и она тоже, так что никому из нас не стоит заводиться. Хотя то, что я сказала про Эда, ей явно не понравилось.

— Этой ночью кто-то был в моей квартире. — Сказала я прямо. Чем проще формулировки, тем лучше. Ближе к истине, мне не соврать. — Многие вещи были не на месте. Под

раковиной вода, дезодорант закрыт, носки перепутаны, жалюзи приподняты, а ты знаешь, что я никогда не оставляю их так.

— Может, Прапра с Игоревичем ходили по квартирам, чтобы проверить, везде ли заработало отопление?

— Ага, поэтому приоткрыли мой ящик с полотенцами и достали из него одно. — Я начала раздражаться, и Рири покрепче сжала мою ладонь. Она всегда держит меня в руках, когда я с собой не справляюсь. — И почему тогда они никого об этом не предупредили? Или были только у меня, потому что я больше всех жаловалась на отопление?

Она замолчала и стала смотреть на меня своим самым изучающим взглядом. Пытается понять, можно ли опустить тот факт, что я пришла к ней сонной, голодной и промёрзшей до чёртиков.

— Хочется сказать, что этого не может быть, но я тебе верю. — Проговорила Рири, сведя брови. Широкие, с острыми кончиками. По ним легко понять, что сейчас она как никогда серьёзна. Набрав в лёгкие побольше воздуха, Рири произнесла на выдохе. — Переезжай ко мне.

На мгновение я забыла, что попала в задницу. Знаю, почему ей тяжело это предложить — она понимает, что я могу отказаться, потому что квартира всегда была единственным местом, в котором я оказываюсь одна. Без испытывающих взглядов, ожидающих от меня понимания и поддержки; я же учительница, должна уметь общаться с людьми.

— Я, — слова взяли на языке. Рири никогда ничего от меня не требовала. Нужно держать это в голове. Помнить, что у неё есть свободная комната. — Я согласна, но ты сама видела, какая я противная после работы.

— Да, поэтому ты не будешь возражать, если я перестану обращать на тебя внимание сразу же, как сяду за стол и достану швейную машинку. Мне будет совершенно всё равно где ты и что ты. Но тебе ведь только это и нужно.

Рири так убедительная, что я не сдержала улыбки. Обожаю её, эту откровенную и резкую девчонку, которая прогнала парня, в которого втрескалась по уши, для того чтобы вытравить из моей головы тараканов.

Мы ещё долго пялились друг на друга, представляя, как заживём вместе, и от тихих смешков у нас разболелись щёки. По-хорошему, мне нужно сказать Игоревичу о том, что теперь меня можно обесточить, отключить газ и отопление, но тогда у него возникнут вопросы, на которые я не хочу отвечать. Кто в здравом уме поверит моей истории с проникновением без взлома? У нас! В Доме, где все друг друга знают! Только последний псих. И, конечно же, Рири.

— Жаль только, что теперь вы с Движняком не сможете ходить на работу вместе. — Сочувственно сказала она, в очередной раз пожав мою руку. — Только если ты не станешь караулить его возле дома каждое утро.

— Ты же знаешь, что стану.

— Точно.

И мы снова засмеялись. Всё не так уж и плохо.

Протокол встречи Собрания от первого февраля

...было рассмотрено дело несоблюдения должностных обязанностей Сабиной Скопой.

Тридцатого января Сабина Скопа, в тот день назначенная дежурящим врачом, была найдена Антипой спящей на рабочем месте. Антипе была оказана медицинская помощь (острая инсомния), после пересменки Сабина Скопа явилась с повинной.

Собрание решило: пересмотреть время ночной смены дежурящего врача и сократить его на полтора часа, в качестве компенсации на это время назначать дежурящим врачом Антонину Ньюю. Срок приведения решения Собрания: немедленно.

Глава 5

Мы с Рири старательно изучили мою квартиру, обшарили каждый её уголок и пришли к выводу, что ничего не пропало. Ничего. Кроме, разве что, пары фисташек, доставшихся мне от Тёмы, и то я не уверена, что не погрызла их сама. Рири всё пыталась убедить меня в том, что поводов для беспокойства нет, но мы обе знаем, что это ещё ничего не значит. Потому что к Диме я уходила с блокнотом, в котором находилась строка, написанная не детской рукой.

«Он снова это сделал. Пожалуйста, заберите меня отсюда»

У нас оказалось не много вариантов, кто мог догадаться о том, что эта записка вообще существует: тот, кто её оставил, либо любой из тех, кто был на вечеринке Светы и слышал попытки Рири узнать о положении детей. Она ещё долго корила себя за то, что подставила меня, хотя это я попросила Рири позадавать вопросов у Светы. Мне можно было и сразу догадаться, что она пустит об этом слух.

Ну хорошо, даже если и так, то кому захотелось обшарить мою квартиру и забрать улику, если Рири не заикалась о блокноте? И почему прийти решили именно ко мне, а не к ней? Слишком много вопросов. Мы с Рири остановились на том, что за блокнотом пришёл тот же, кто его и оставил. По-другому о нём не узнать. Ну и начерта тогда этот тип отдал его мне, если теперь так старается вернуть?

Я пытаюсь расслабиться, перестать думать о плохом и смириться с тем, что такое случилось прямо у меня под носом. Под носом всех, кто живёт в Доме! Ладно, остыть не получается. Но больше, чем злость из-за несправедливости, меня мучает тревога. Я не срываюсь на детях, но они как-то узнали, что мне тяжело хранить свои идиотские секреты.

Русский язык. Капа, Кирка, Чуча и Сеня упорно пытаются различить союз, предлог и частицу, но Капа отстаёт, а я уже представляю, как за обедом расскажу Рири, что девочка, которой предстоит стать следующим грузоперевозчиком, буксует на моих уроках. Не знаю даже, насколько это смешно, но я впервые за долгое время улыбнулась по-настоящему.

— Мира Руслановна, у вас теперь хорошее настроение? — спросила Чуча, легко расправившись с заданием. Вот уж не знаю, чем она занимается в свободное время, но на уроках ей всегда удаётся преуспевать.

— Да, потому что мне заметны ваши успехи. — Я прикусила губу, чтобы совсем не разулыбаться. Шутка сидит у меня на языке и не думает отставать.

— Ненавижу служебные части речи, они вонючие. — Надулась Капа, и Сеня охотно её поддержала:

— Да, зачем они нам нужны? Как такое пригодится в жизни?

— Суть не в самих знаниях, а в развитии образа мышления. — Стала объяснять я, надеясь, что мои слова достаточно просты для девятилеток. — Приходя в школу и посещая

уроки вы учитесь вести себя в обществе, пробуете работать в команде, выступать перед классом, чтобы в будущем успешно занять своё место среди взрослых.

— Даже если у меня ничего не получается? — уточнила Капа.

— То, что вы стараетесь это освоить, уже значит очень многое.

— А когда у нас будет химия? — невпопад спросила Сеня.

— В следующем году.

— Мы будем мешать всякие жидкости? — не унималась она. — Чтобы получались взрывы и всякое такое?

— Что, прям с пеной? — включилась Чуча. Сеня с Капой активно закивали. — Я видела в телевизоре, там было шоу, где делали штуки из клея и пены для бритья. Они не липкие и тянутся, только у меня нет пены, Сусек не разрешает брать.

— Прежде чем начать обсуждать игрушки, сдайте мне работы. — Я прошлась между рядами и собрала тетради с уже забытой всеми темой.

Кажется, только Кирка ещё изучал служебные части речи; остальных я потеряла на словах «мешать», «жидкости» и «всякое такое». Все сидели за партами по одному, и я заняла пустующий стул рядом с Киркой. Не знаю, намеренно ли он не поднимал на меня глаз, или его так увлёл учебник. Ему и в голову не пришло сказать что-то против, хотя рад он точно не был. Кирка в принципе мало разговаривает, почти не задаёт вопросов, а если они у него и есть, то задаёт их мне

тайком, пока другие не слышат, и убегает сразу, как получит ответ. Странный мальчишка, но не мне его судить. Я и сама с причудами.

Мне уже приходилось думать о том, что автором записки из моего блокнота может быть Кирка, но вряд ли у него получилось бы сбежать из дома ночью, чтобы пошарить по моим ящикам. Да и не думаю, что под опекуном Игоревича может быть настолько плохо, а если бы Кирку доставал посторонний, то он бы точно это предотвратил ещё до того, как случилось непоправимое.

Вот чёрт, снова все мысли об этом. На работе стоит быть сосредоточенной, иначе я совсем сойду с ума.

Ещё холодно, и Кирка кутается в большую кофту, сидящую на нём не по размеру. Словно она не его, но выглядит прилично. У детей всегда была своя мода, мне в этом не разобраться, но, может быть, мне стоит обращать больше внимания на детали. Светлые волосы Кирки лежат аккуратно, у него старательно вымытое лицо и нет даже намёка на усталость. Пальцы девчонок в маленьких царапинах и остатках клея, растягивающихся по коже хрустящей плёнкой, а у Кирки ни кругов под глазами, ни ссадин на руках, словно дома он только и делает, что нежится на кровати в окружении видеоигр и комиксов. И на моих уроках Кирка совсем ни с кем не общается.

— Как дела? — спросила я как бы невзначай. Он уставился на меня так, будто я приставила дуло пистолета к его вис-

ку. Настороженно и сердито.

— У меня настолько плохая работа?

— Нет, просто интересуюсь, как ты там. — Я вернулась к тетрадам, надеюсь, что мой позор останется не замечен остальными, но Чича, Капа и Сеня обращали на меня внимания не больше, чем прежде. — Может быть, ты захочешь поболтать со мной, пока я проверяю то, что вы написали. С остальными тебе, кажется, не интересно.

— Я не люблю болтать. — Отрезал Кирка, отвернувшись к учебнику. Он листал его так лениво, что я сразу поняла, что ему просто хочется, чтобы я отстала.

— Мне нравится твоя кофта. — Продолжила я, сверившись с внутренними часами.

Чувствую, до конца урока несколько минут. Если я и обрекаю себя на пытку, то ненадолго. Раз уж я планирую оказаться в Собрании, мне лучше быть на хорошем счету у Игоревича. Кирка мог бы рассказать ему обо. Например то, что мне не всё равно на его настроение. А ещё на кофту.

— Это от Пэм. — Ответил он, погладив рукава. Приглядевшись, я заметила улыбку. Ну, хоть что-то. Не всё так плохо, как я думала. — Она дала мне её и сказала не мёрзнуть.

— Отличный совет. Пэм точно знает, о чём говорит.

— Да. — Кирка вдруг погрузнел. Сжал губы так плотно, что словам приходилось пробиваться через них, как сквозь бетонную стену. Вместо крошки с неё сыпется зубная эмаль. — Она мой единственный друг. Лучше неё никого нет.

Звонка не было, но остальные поглядывали на часы. Девочки вскочили с мест минута в минуту, обернулись ко мне у самой двери и прокричали, что пошли в раздевалку. Следующим уроком у нас физкультура. Там можно будет отдохнуть — отправлю всех наматывать круги по залу и прикрою уши, чтобы не слушать их разговоры.

Аккуратно сложив вещи в рюкзак, Кирка ушёл следом за остальными, а я до последнего сидела за его партой, пытаюсь понять, что меня так обрадовало. Словно в голову врезалась фура с вдохновением.

Кирка поговорил со мной, и даже не об уроках. Прорыв. Не знаю, был ли Ньютон так же рад, когда на него упало яблоко, но я своё поймала обеими руками и не собираюсь отпускать. Это прямой путь наверх, стоит только разговорить Кирку чуть больше и немного поворковать с Помпой. Вместе у них получится наплести Игоревичу что-нибудь приятное обо мне.

Успех не за горами.

За шиворот упало столько снега, что я успела промокнуть насквозь прежде, чем дошла до магазина. Эд одолжил Рири диск, который кое-как выторговал у Тёмы, поэтому у нас намечен киновечер. Вернее, налопаться-лапши-и-сухариков-с-чесноком-вечер, после которого мы заберёмся в свои кровати и проспим до обеда следующего дня, пока нас не разбудит боль в животе, потому что мы объелись всухомятку. На-

до прикупить газировки. С тех пор, как я снова стала есть в столовой, денег у меня прибавилось.

На пороге магазина я с тщанием отряхнула сапоги и пальто от снега. Как и всегда, я пришла как раз перед закрытием; не хочу, чтобы и в этот раз из-за меня Тёмного пришлось перемывать пол. И я уже собралась поздороваться с ним, как поняла, что мы не одни. Тёмный уже стоял с Кузиком, что шарил под его прилавком, словно пытался налепить на него пережеванную жвачку.

Не знаю, что они делали до того, как я зашла, но, стоило мне обратить на них внимание, как они оба стали старательно приглаживать волосы и кусать губы, явно пытаясь скрыть, что только что оба приняли. Меня напрягли их взгляды, и я сделала вид, будто что-то разглядываю на полках, хотя в этом нет необходимости — нового пополнения у нас не было примерно вечность. Кажется, Кузик с Тёмой на это купились. Или я всё преувеличиваю и им с самого начала было на меня плевать.

— Ты сейчас что-нибудь помнишь? — спросил Тёмный шёпотом, который я хорошо слышала. — Ну, прошлый год или типа того.

— Помню, конечно. — Просто согласился Кузик.

— То, что мы делали, тоже?

— Конечно. Там было много всего. Вроде бы.

— И почему мне кажется, будто ты оправдываешься?

— Ну не знаю. Может потому, что своими вопросами ты

ставишь меня в неловкое положение? — и только сейчас я заметила, что они оба стоят с красными пятнами на коже, а их лица такие белые, будто им ещё не приходилось видеть солнца. Жарой и не пахло, но их волосы слиплись от пота. Кошмар, что они вообще здесь делают?

— Неловкое положение? Перед кем это? Со мной ты был в таких положениях, что неловкость давно должна была пропасть. — Кузик ничего не понял, и Тёме пришлось пояснить: — Один раз ты наблевал на мою подушку, а я узнал об этом только после того, как лёг на неё. В другой день ты пошёл в туалет у меня дома и забыл поднять крышку унитаза. А как-то я зашёл к тебе в кузов, и ты сидел там с душой нараспашку, даже не закрыв дверь, и мне пришлось самому тебя одевать, потому что накидался ты так, что у тебя не двигались пальцы.

— Замолчи. Такого не было. — Заткнув его рот, Кузик искоса посмотрел на меня. Я успела отвернуться, но заметила, что Тёма укусил Кузика за ладонь, которую тот с таким упорством прижимал к его губам.

— А ты пей поменьше, тогда и перестанешь меня забывать. — Смог ответить Тёма.

Всё ясно. Они оба накидываются, а Собрание и не в курсе. Ладно Тёма, от него и не ждут ничего особенного, но вот Кузик... единственный водитель на весь Дом! Только мы с ним и знаем, как управляться с машиной. Если он вдруг надумает пить и дальше, то закончит раньше, чем Капа дорастёт до

того, чтобы его заменить, мне придётся подменять Кузика, а я и своей работой сыта по горло.

Я вдруг представила, как они с Тёмой сидят в каморке магазина со слюной на лицах и с огромными от удовольствия зрачками, и меня чуть не стошнило. Насколько всё должно быть плохо, чтобы они к этому пришли?

— Странный ты, Тём. Я совсем тебя не понимаю.

— Это ты ведёшь себя странно. Словно знаешь меня первый день. А мы всё это, между прочим, уже проходили.

— Где? В твоих мечтах?

— Я, конечно, бываю не в себе, но не настолько же. — Тёма разочарованно вздохнул. — Вон хоть у Миры спроси, она точно меня знает.

— Кто? Я? — от неожиданности я почти задохнулась. Участвовать в их разговоре мне точно не хочется, но, кажется, выбора у меня нет. — Вы оба отличные ребята.

— Очень уж обтекаемый ответ. — Кузик закатил глаза, и на мгновение я понадеялась, что они провалятся ему в череп. Засранец, ещё смеет усмехаться.

— Как и подобает учительнице. — Вставил своё слово Тёма. Ещё один говнюк.

— А ты всё развращаешь молодёжь, как и подобает... — не успела я договорить, как Кузик налетел на меня, едва не вдарив мне по носу:

— Завались, стерва! — я почувствовала, как его кулак пролетел в миллиметре от моего лица. Он точно всё просчи-

тал, чтобы запугать, но не ударить. — Что, раз не на уроке, совсем не соображаешь, что говоришь? К аудитории старше десяти лет не готова?

— Она шутит, успокойся. — От этих слов Тёмы Кузик подрасслабился, но я видела в его лице явно желание ответить мне пощёчину. У него и раньше случались такие приступы агрессии, но до рукоприкладств ещё не доходило.

Мы замолчали, облокотились о витрины, чтобы отдышаться, и вышло так, что Тёма сидел напротив, поглядывая то на меня, то на Кузика, что ещё раздражённо пыхтел, словно надыхался песка и теперь пытался выдохнуть его. Мне неловко, но я нашла спасение в том, что пересчитала все консервные банки над головой Тёмы, назвала цвет каждой жестянки с помятыми логотипами и медленно перечислила все фильмы, которые мы с Рири пересмотрели с тех пор, как я к ней переехала.

У меня уже кончились идеи для мыслей, а парни всё молчали, играя в переглядки. Может, мне просто уйти? Сделать вид, что я не при делах? Но кто тогда достанет нам с Рири лапшу и сухарики с чесноком...

— Я делаю это не от хорошей жизни. — Тихо заговорил Кузик.

— Знаю. — Только и успел ответить Тёма прежде, чем тот поддался вперед и оказался в шаге от него. Я бы уже затряслась, остро ощущая угрозу своей жизни, но Тёме, кажется, было вполне комфортно.

— Так что не смей попрекать меня тем, что я пью. Какое тебе вообще дело? Ты мне кто, заботливая мамочка?

— Нам не стоит обсуждать это сейчас. — Тёма посмотрел в мою сторону, но Кузик этого не заметил.

— Конечно, нахрена тебе что-то обсуждать с таким дебилом, как я. — Он говорил тихо, но мне было не по себе. Словно Кузик едва удерживал своё желание разнести здесь всё, въехав в магазин на грузовике. — Я же придурок, мне не понять того, что ты объясняешь. Но я пытаюсь, понятно? А это, знаешь ли, сложно. Поэтому-то я и занимаюсь идиотскими грузоперевозками, потому что ни на что другое у меня ума не хватает.

— И у меня не получилось занять другую должность. — Тёма улыбнулся. Не Кузику, а нам обоим. — Потому что я тоже тупой. Мы такие, какие есть.

— Хватит уже. — Не выдержала я, но так и не сдвинулась с места. Хотелось уйти, но в чём смысл, если эти оболтусы возненавидят и себя, и меня заодно? — Вы можете считать свою работу какой угодно, но не должны забывать, что она необходима Дому. Без вас всё давно б развалилось. Без тебя, Кузик, ребята с фермы смогут донести к нам яйца только тогда, когда из них вылупятся цыплята, а про туши скота я вообще молчу. И кто бы переправлял всё, что находят на вылазках, за стены и обратно? А мешки с зерном? С мукой, для выпечки хлеба? Мы бы померли с голода, если бы ты не занимался всем этим в одиночку.

— Ты просто ко мне подмазываешься. — Сказал Кузик, всё ещё стоя ко мне спиной.

— Делать мне больше нечего, нахваливать того, кто чуть не оторвал мне нос.

— Прислушайся к ней. — Посоветовал ему Тёма, и я тут же поймала на себе его взгляд.

— А без тебя я бы свихнулась, потому что только у тебя можно найти всё, что нужно вечером: газировку, чипсы, банку тунца и разговор. Дом бы не выдержал, если бы у нас не было такого места, в которое можно прийти и перекинуться парой слов с человеком, который ничего никому не расскажет, даже если это просто глупости.

Парни замолчали, о чём-то крепко задумались, и я наконец поймала момент, когда смогла сказать Тёме о своём списке покупок. Он собрал всё в пакет, взял с меня нужную сумму, а Кузик не проронил ни слова, когда я прошла мимо него к выходу. Посмотрела на время, оно уже вышло. Магазин закрылся, а я неприлично задержалась. Рири наверняка меня потеряла и скоро пойдёт искать, в каком сугробе я оказалась, когда снова чуть не свернула шею на льду. В прошлый раз меня спас Овчик. Сама не разберу почему, но я начала улыбаться.

Ах да, точно, я же хотела взять газировку. Попросила у Тёмы шесть банок, четыре сложила в пакет, две открыла и всучила им с Кузиком. Они смотрели на меня со странным выражением, общим для них двоих. Напоследок я сказала:

— Без любого из нас всему Дому конец, поэтому так важно всё, чем мы занимаемся. Каждый незаменим, и благодаря нам мир ещё держится. Солнце и луна в небе, земля под ногами, а стены прикрывают тыл. Всё существует только потому, что каждый занимается своим делом.

— И это мне говорит человек, растящий детей нам на замену. — Усмехнулся Кузик. Придурок.

— Ты меня совсем не понял.

— Это ты не замечаешь происходящего.

Может быть, они и не согласны с моими словами, посчитали меня сумасшедшей или просто наивной, но я поняла для себя одно: и Тёма, и Кузик разучились открывать газировку, поэтому так и держат её в руках, как остолопы. Пустая трата времени и денег.

Терпеть не могу понедельник, потому что в этот день столовая забита до отказа, хотя обычно кто-нибудь с фермы пропускает и завтраки, и обеды, потому что у них там своя атмосфера. У меня всегда были подозрения, что они втихую воруют общие яйца и молоко, но я бы никогда не смогла доказать, что это правда, потому что это запрещено, а, раз уж они этим и занимаются, то процесс у них налажен настолько, что улики не найти. Хотелось бы мне знать, как фермеры это делают. Так, просто для интереса. Тогда я смогла бы реже появляться в столовой, когда мне не нужно красоваться перед членами Собрания. Жизнь стала бы значительно проще.

Шёл последний урок перед обедом, и Цежа с Коленом едва удерживались от того, чтобы снова сцепиться. Я пыталась поговорить с ними много раз, но у меня мало что получалось, потому что никто не хотел меня слушать. Один только Бирка радуется. У него безупречная успеваемость, как и обычно. Иногда мне кажется, что ему даже не нужно моё присутствие на уроках, он справится без меня, стоит только дать ему учебник и отпустить в свободное плавание. Особенно на материаловедении, в нём он разбирается даже лучше меня.

— Через месяц у вас начнётся практика. — Напомнила я им, но Колен так громко огрызнулся с Цежей, что не слышал меня. Тогда я хлопнула ладонями об стол. — Через месяц у вас начнётся практика! — повторила я уже громче.

— Незачем так кричать, мы не глухие. — Колен обратил на меня внимание с видом, будто я совсем чокнутая. Слишком часто за последнее время меня принимают за сумасшедшую. Может, лучше вообще перестать разговаривать?

— Ты как раз-таки и глухой. — Посмеялась Цежа себе в кулак.

Прежде, чем они продолжили пререкаться, я успела сказать то, после чего они вздрогнули, словно на них вылили целый ушат воды.

— Практика будет идти три дня в неделю. Это значит, что в эти дни уроков у вас не будет.

— Зашибись. — Колен закинул руки за голову и довольно заулыбался.

— Что?! — от удивления Цежа чуть не проглотила язык.

— А заходить то к вам можно будет?

— Конечно, только учтите, что это не причина сбегать с практики. За каждым из вас закреплён свой куратор: уже состоявшийся специалист, несущий за вас ответственность. И вам стоит постараться произвести на него хорошее впечатление, потому что уже через полтора года вы выйдете на работу, чтобы заняться тем, к чему готовились все эти годы, а окружать вас будут те же люди, что примут вашу практику.

— Покороче можно. — Попросил Колен, за что мне нестерпимо захотелось разорвать его рабочую тетрадь и заставить всё переписывать.

Маленький засранец, пускай и выглядит словно ангел со своими светлыми волосами и мягкими карими глазами. Ещё и Ригеля, как на зло, достаёт для него лучшие рубашки и просит отглаживать брюки так, что и не придраться. А ведь очень хочется.

— Колен, ты идёшь к Ланцету. Твоя специальность на первые три недели: оказание экстренной медицинской помощи людям. Когда не будет вызовов, будете дежурить на ферме. Подкол обещал научить тебя азам ветеринарии.

— Чего вообще? — надулся он, явно разочарованный. — Я это слово даже не выговорю. Я слово «выговорю» то еле выговорил.

Бирка улыбнулся, но смеяться не стал, а Цежа схватила за голову, понимая, что теперь её брат будет крутиться там,

где она проводит всё свободное время. Честно, я ей сочувствовала, но не могла уговорить её не расстраиваться раньше времени. Зато я выторговала для неё лучшие условия практики.

— Цежа, за тобой закреплена Помпа. Обслуживание станции водоподготовки происходит в подвале. С непривычки может быть душно, поэтому Игоревич разрешил давать тебе больше перерывов, но это только первое время. В случае получения травмы, а Игоревич сказал, что у тебя точно будут болеть запястья, обращайся к Нюне, она, как и обычно, будет дежурить на первом этаже с Валенкой.

— Так нечестно, — возмутился Колен сразу же, как я закончила. — Меня будут пораньше отпускать на обед?

— Нет, с чего бы это?

— А вот Цеже до столовой идти полтора шага. — Он сделал важное выражение лица, и, если бы я не знала его так хорошо, то легко бы поверила, что его аргумент рабочий.

— На ферме голодным ты точно не будешь.

Раздражённо цокнув, Колен продолжил качаться на стуле. Не окажись они с Цежей так похожи, я поставила бы свою жизнь на то, что Ригеле он родной сын. Ладно хоть ещё не стал выражаться, как она.

— Бирка, ты будешь с Рири в её лавке на рынке. Она обустроит тебе место, займёшься мелким ремонтом и починкой снаряжения Жданы.

— Того, что для вылазок? — уточнил он.

— Да, с того года неполадки с запасным комплектом. Нужно, чтобы ты о нём позаботился.

— Будет сделано. — Кивнул Бирка, записав каждое моё слово в блокнот.

Больше никто из учеников этим не занимался, и я сомневаюсь, что они хоть раз записали себе домашнее задание, но Бирка относился ко всему ответственнее остальных — всё воспитание бабули Ньюни.

Мне нужно было придумать, чем занять их ещё на семь минут прежде, чем мы все сбежим в столовую, но тут послышались голоса. Отличный повод уйти пораньше. Я всех отпустила, попросила помалкивать, и убежала прежде, чем заметила, что Цежа увязалась за мной.

Паст кричал так громко, что его оказалось слышно даже в моём кабинете. И внизу, наверняка, тоже, поэтому я несколько не удивилась, когда вместе со мной в столовую пошла Помпа.

— Валенка плачет. — Сообщила она, будто это было главной проблемой.

— Ага, — только и выдавила из себя я. А ещё все мы можем остаться без обеда, если Паст прийдёт Эда.

Сегодня все на взводе, и я тоже. Цежа с Коленом снова сцепились, но расслабились тут же, как поняли, что у них есть общий враг, против которого им можно объединиться. Речь, конечно же, обо мне. Им обоим было проще, когда они злились на меня, но я не знала, что делаю не так. И, может,

так и не узнала бы, если б коротенькие шажки Цежи не слышались прямо за моей спиной. Она нагнала меня, но передумала говорить, когда заметила рядом со мной Пэм.

Пэм смотрела то на Цежу, то на меня, и чему-то улыбалась, а я мысленно давала себе пощёчины, чтобы протрезветь перед важным шагом. Пошла быстрее. Сейчас или никогда.

— Мира Руслановна. — Позвала меня Цежа, без сил догнать.

Я неслась вперёд так, словно от этого зависела моя жизнь. На самом деле так оно и было. Если успею прийти раньше всех, то мою оперативность точно отметят. Нужно только поспешить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.